

Господин адвокат

Фридрих Незнанский
Чеченский след

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Чеченский след / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Господин адвокат)

На войне как на войне. Во время вооруженного противостояния любой человек, даже незанятый в военных действиях, может пострадать. Но, оказывается, никто не застрахован от роковых случайностей и в мирное время. Выбравшись из чеченского ада, Аслан Магомадов, учитель из Грозного, попадает из огня да в полымя. Пытаясь увезти свою невесту, без каких-либо явных причин он оказывается в тюремной камере. Обвинение серьезное – оружие, наркотики, фальшивые деньги. Защиту его берет на себя адвокат Юрий Гордеев. Обычное на первый взгляд дело о милицком произволе неожиданно для господина адвоката приобретает новые черты. И даже выходит на международный уровень...

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

1	5
2	13
3	15
4	17
5	21
6	25
7	35
8	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Фридрих Евсеевич Незнанский

Чеченский след

1

Казалось бы, за последние годы Аслан Магомадов уже должен был привыкнуть к любым суровым испытаниям. Должна была зачерстветь душа, притупиться ощущение собственного горя и сострадания к чужой беде. Но все-таки его сердце сжималось от горячей боли при виде жестокой катастрофы – разрушения любимого родного города, бессмысленной гибели своего народа. И время не лечило эти раны...

Вот и сегодня, каким-то чудом оказавшись на свободе, едва переступив порог Чернокозовского следственного изолятора, Аслан в предчувствии счастья свободы был готов пьянеть от каждого глотка свежего воздуха, от ощущения простора и ясной возможности жить по собственной воле, но...

Добравшись до Грозного, он снова увидел, как навязчивый кошмар, до отвращения привычные груды дымящихся развалин, кучи битого стекла и кирпича, по которым пробирались несчастные, измученные и запуганные люди... Это вместо веселых и благополучных прохожих на тенистых, просторных бульварах и праздничных площадях такого уютного, такого красивого прежде, родного города. Города, который, наверное, каждому грозненцу и на том, и на этом свете снится до сих пор каждую ночь не как воспоминание и сожаление, а как единственная настоящая реальность!

Так часто бывает с любимыми, безвременно ушедшими людьми – их уже нет давно, а во сне они еще живы, будто и не случилось несчастья. Будто все само собой продолжается, течет по нормальному, положенному руслу жизни, как и следовало, если бы не смерть...

Мирное время... Оно снилось Аслану каждую ночь. А проснешься – снова невыносимое горе. Все теперь стало шиворот-навыворот: простая, настоящая жизнь во сне и ежедневный беспросветный кошмар войны наяву.

Выйдя из Чернокозовского изолятора и с трудом добравшись до Грозного, Аслан не мог радоваться даже собственному освобождению. По искореженным рельсам бывшего трамвайного пути он прошел на теперь уже бывшую улицу Красных Фронтовиков. После гибели она стала по-настоящему фронтовой улицей: не осталось ни одного целого дома. И вообще, весь район от бродвея, как раньше называли широкий проспект Революции, до сорок первой спортивной школы, от строгой и церемонной филармонии до шумного, суетливого Главпочтамта – весь центр представлял собою нечто страшное и странное, нереальное, будто ты случайно забрел не туда и попал в декорацию, где все сделано нарочно, чересчур, чтоб всем зрителям было без слов понятно – просто здесь снимают кино про войну...

Пятиугольный двор пентагона, где когда-то расположился и стоял насмерть отряд Гелая, превратился в адскую воронку.

Вычурный Дом политпросвещения, с которого, можно сказать, и начались все несчастья чеченского народа, практически полностью уничтожен. И вместе с ними все жилые кварталы, магазины, кинотеатры, библиотеки, школы. Целая жизнь уничтожена. Погибла, как Атлантида. Вместе с живыми и безвинными людьми опустилась на дно прошедшего времени. Даже малым детям не оставив ничего в настоящем и будущем.

Когда-нибудь любопытные археологи раскопают и этот общий могильник, как нашли погибшую Трою, и будут по камушку восстанавливать загадочные картины безвозвратного прошлого.

А пока еще не занесены землей и не поросли травой родные камни, родные обломки...

Даже куски простой штукатурки, шуршащие на ветру обрывки обоев, осколки посуды, валяющиеся под ногами среди мусора, все до боли знакомо – комок в горле не дает дышать, когда вдруг расслабишься и нечаянно, в подробностях, вспомнишь и эту синюю штукатурку, и эти полосатые обои... Которые ты вместе со всем классом клеил учительнице химии, когда эта одинокая старушка, ко всеобщей радости, наконец-то дождалась счастья и переехала из коммуналки в отдельную однокомнатную квартиру.

Сначала только мальчишки помогали ей перевозить мебель. Было-то всего ничего – шкаф, стол и пара стульев. И бесконечные стопки книг! Ничего – на руках перетасили. Два квартала.

Директор, конечно, направил школьный грузовик, да тот пока не спеша заправился, пока адрес нашел – резвые пацаны уже все успели перетасить. Только потом, на следующее утро, хозяйственные девчонки пришли с тряпками – мыть и убирать. А до уборки решили потолок «подновить» – веником смахнули с него паутину, пыль, копоть. Вместе с побелкой! Беда невелика – стали потолок заново белить! Потекла вода – старые обои отклеились! Скинулись кто сколько мог – и купили новые обои. Пять рулонов по рубль сорок за штуку. Тогда это были деньги! Семь рублей! Выбрали отличные обои – полосатые, чтоб потолок казался выше...

С новыми обоями комнатка стала настоящим дворцом! На радостях и на кухоньке стены перекрасили! А в коридоре сделали модные оштукатуренные стены! Сами делали! Все по науке, как учили на уроках труда. Вот только когда стены высохли... Случилась одна неожиданность. Стены вышли загадочного темно-синего цвета. Но все радовались как сумасшедшие! Старушка химичка смеялась и дурачилась вместе со всеми, даже помолодела от этой суеты. А дети, проучившиеся у нее почти пять лет, только в этот день заметили, что химичка-то вроде бы и не такая уж старая, вовсе не занудная, а очень даже компанейская, веселая. И глаза у нее синие. Под «загадочный» цвет коридора...

Аслан, от волнения не поднимая головы, прошел мимо того места, где когда-то стоял его родной дом, боясь увидеть осколки собственной судьбы, собственного погибшего счастья.

А может оказаться под ногами семейный альбом с дорогими фотографиями...

Нет, его бы подобрали...

Или кусочки бабушкиного сервиза...

Или обрывки маминого праздничного платья...

Последние метры Аслан шел с закрытыми глазами. И мысленно навеки прощался с родными развалинами.

По бывшей улице Космонавтов он вышел на руины улицы Мира и повернул налево – в направлении к Центральному базару.

Среди разных мелких вещей, что Аслану возвратили на проходной в Чернокозове, на удивление, были и деньги. Не очень-то много, но можно было надеяться, что хватит на проезд до Назрани. Или до Слепцовска. А там...

Аллах поможет. Мир не без добрых людей.

А если денег не хватит, можно отправиться и пешком. Люди говорят, что за неделю пожилые женщины с узлами и чемоданами, с малыми детьми на руках добираются. А молодой мужик один, налегке!

На Центральном базаре ему сказали, что рейсовый автобус до Слепцовска уже ушел. Единственный автобус только в первой половине дня отправляется туда, чтобы засветло вернуться обратно. Теперь нужно ждать до завтра. Какой-то слепцовский частник на обгоревшем «пазике» набил полный салон, уцепиться не за что. Аслан поднажал, стараясь втиснуться до закрытия дверей.

– Дорогой! – крикнул ему усатый шофер из кабины. – Отойди! Отпусти автобус! Я так не поеду! Видишь сам, что уже некуда! Отпусти, пока люди тебя не отцепили! Не обижай нас!

Народ зло зашипел, тетки нахмурились под черными платками. Пришлось отцепиться. Скрипучие двери с трудом закрылись. Перед самым его лицом.

– От Минутки такси можешь взять, – посоветовал сердобольный владелец автобуса. – На улице Сайханова. От подземного перехода.

– Знаю. – Аслан разочарованно махнул ему на прощанье рукой.

Он еще немного послонялся без толку на рыночной площади, раздумывая, как бы лучше поступить – искать ли сегодня ночлег в городе и поехать на рейсовом автобусе завтра? Где можно отыскать кого-нибудь из знакомых? Можно ли попроситься к ним? Или уж лучше сегодня топтать на Сайханова и подсаживаться четвертым в такси? Хватит ли денег на такси – вот главный вопрос.

– Гражданин! – Какой-то странный мужчина в пиджаке с меховым воротником осторожно тронул Аслана за рукав. – Я видел, что вы не поместились в автобус...

– Да, – насторожился Аслан.

– Вы один?

– Один.

– Дело в том, – как-то испуганно проговорил странный мужчина, – что я еду в Слепцовск. Могу и вас подбросить. Если вам надо, – добавил он шепотом.

– Мне до Назрани нужно, – признался Аслан. – А сколько это будет стоить?

– Договоримся, – кивнул мужчина. – Идите за мной. Но не рядом, а немного позади. Я первый пойду, а вы потом... Замечайте, куда я иду.

И странный мужчина, не оборачиваясь, засеменял в толпу, мелькнул за ларьками и юркнул в ближайший двор.

Безответственный внутренний голос уговаривал Аслана довериться и пойти за этим странным типом. Но, переждав первый порыв доверчивости, подумав немножко, Аслан все-таки решил быть осторожным. Мало ли что и кто ждет его? Неспроста же этот странный мужик заманивает его в укромный уголок? Надеется деньги отобрать? Или извращенец? Наверное, компания шпаны караулит доверчивых лохов в каком-нибудь разрушенном подвале. Потом бьют, грабят. Они рассчитывают, что человек не может ехать далеко без денег...

– Я так и знал, – зашептал голос над ухом Аслана, – что вы меня потеряете.

Перед ним снова возник человек в пиджаке с меховым воротником.

– Да я как-то еще и не решил, ехать мне или нет? – замялся Аслан.

– Вы боитесь меня, а я боюсь вас, – улыбнулся странный человек. И лицо его стало добрым, по-детски наивным. – Так мы и будем...

– Почему вы тут, на площади, открыто не набираете пассажиров? – прямо спросил Аслан.

– Тут только свои люди стоят. Они держат это место. Крыша. И они решают, кто повезет и куда. Деньги забирают.

– А на Сайханова?

– Там они и есть. А здесь только эти... Боевики. Гоняют. Чтоб все туда шли.

– Значит, вы нарушитель местных законов? Вас поймают, нам обоим достанется?

– Никакой я не нарушитель, – обиделся человек. – Совершенно другой случай. Ладно...

Тут вот какой казус. Я еду сам по себе. Мне к родственникам надо в Слепцовск. А один ехать боюсь. Нужен попутчик. Но тоже... Надежный. А то, знаете ли...

– Вам нужен охранник?

– Ну...

– По-вашему, я похож на охранника? – спросил Аслан с нескрываемой иронией.

– Знаете, – странный человек оглянулся, – по одежде, по всему видно, что вы человек бывалый. А по лицу можно определить, что вы порядочный человек.

– А вы физиономист?

– Да. В определенной степени. Приходилось работать с большими... людскими потоками.

– Интересно, – поднял брови Аслан.

– Давайте отойдем. На нас уже смотрят, – заволновался странный физиономист. – Идите за мной.

И он повторил свой замысловатый трюк по запутыванию следов.

Аслан спокойно огляделся и не заметил вокруг ничего подозрительного. Он совершенно уверенно пошел за ларьки, перепрыгнул канаву и пробрался по мусорным завалам во двор полуразрушенного дома. В уцелевших частях ютились люди, женщины вывесили белье на просушку, старики о чем-то серьезно переговаривались у беседки, кивая друг другу папахами.

Пройдя через двор, Аслан очутился на пустыре, похожем на дворовое футбольное поле. Вытоптанная середина, чахлая травка по краям, друг напротив друга стоят самодельные ворота из неструганых жердей. На дальнем краю этого спортивного сооружения пыхла помятая, ржавая «Нива» неопределенного светлого окраса.

Из кабины странный человек помахал Аслану рукой, подбадривая его и зазывая.

– Хорошо, что машина действительно есть, – вздохнул Аслан, подходя ближе.

Убедившись, что водитель в кабине один, Аслан опасливо приоткрыл дверцу:

– С нами никто больше не поедет?

– В том-то и беда, что у меня никого больше нет. Если бы был кто-то, я бы вас не пригласил, – сообщил странный человек. – Да и вообще не поехал бы. Садитесь быстрее.

Аслан сел и захлопнул за собой дверь.

– Ну, как говорил Гагарин, поехали! – провозгласил хозяин машины, и они плавно тронулись в путь.

Проехали по тряскому бездорожью, миновали какие-то заброшенные огороды, землянки, сарайчики, в которых тоже жили люди – на керосинках кипятили что-то в огромных алюминиевых кастрюлях, чумазые полуголые дети копались в пыли. И вечные старики в папахам...

– За город выскочим, – сказал водитель, – там будет легче. – Если нарвемся на ментов или военных, то вы мой шурин. Или деверь... То есть муж сестры моей жены. У жены сестра, а вы ее муж. Ладно? Жену зовут Лена.

– Лена? – удивленно переспросил Аслан. – Вашу жену или мою?

– Мою. Что вас удивляет?

– Да ничего. Меня зовут Аслан, а вас?

– Евгений Валентинович Еникеев.

– Вы русский?

– Татарин. И жена татарка. У вас жена – татарка. Зовут ее Катя.

– Разве Катя татарское имя? – снова удивился Аслан.

– Наверное. Я не задумывался. У меня совершенно другая специальность. Это надо бы уточнить у филологов. – Водитель выехал на асфальтированную дорогу.

– Я и есть филолог, – сказал Аслан. – В некотором роде. Учитель. Бывший.

– Мы с вами бывшие коллеги. Я вам про свою жену рассказываю не для развлечения, а для конспирации. Чтобы вы не запутались при опросе. А как ваше полное имя, отчество, фамилия?

– Аслан Арбиевич Магомадов. Мне тридцать пять лет. Жил в Грозном. На улице Космонавтов.

– Знаю такое место, – обрадовался Евгений Валентинович. – Я туда часто ходил в кино. Летний кинотеатр «Машиностроитель» знаете?

– Из окон квартиры половину экрана видно было! – похвастался Аслан.

– Значит, вы жили в доме ученых... Мы всегда старались на второй сеанс попасть, когда темнее. – Евгений Валентинович испытующе поглядел на Аслана.

– Вы меня проверяете?

– Проверяю.

– Было два сеанса. На девятнадцать и на двадцать три.

– Точно! – засмеялся Евгений Валентинович.

– Ну я тоже вас проверю, – насупился Аслан, – раз вы такой любитель кино... А кинотеатр «Юбилейный» вам приходилось посещать?

– Не городите ерунды, Аслан Арбиевич, – обиделся Евгений Валентинович. – Я жил напротив Дворца пионеров. На проспекте Орджоникидзе. А вы тут всякую чушь порете! – повысил он голос. – Проверяете меня, будто это я преступник!

Они замолчали оба. Евгений Валентинович напряженно всматривался в дорогу, Аслан отвернулся.

– Я, конечно, понимаю, до какого сумасшествия я докатился, – печально сказал Евгений Валентинович. – Но это, по-моему, неизбежно... В этом безбашенном мире... Что еще нам остается, как только не сойти с ума? – И добавил без паузы: – У меня нет жены. Уже три месяца. И сестры ее нет. Пропала...

Аслан молча смотрел в окно на воронки, развалины домов, бетонные блоки. Вот проехал БТР с солдатами федеральных сил. Вид у солдат был уставший, измученный, полевая форма сплошь была покрыта засохшей грязью.

– Не обижайтесь, – тихо произнес Евгений Валентинович. – Нам всем досталось.

– Я понимаю, – ответил Аслан, поворачивая грустное лицо к водителю. – Меня сегодня выпустили из Чернокозова.

– Как? – поразился водитель. – Не может быть! А за что брали?

– Ни за что. Сами понимаете – раз выпустили...

– Знаете ли, молодой человек, – Евгений Валентинович доверительно посмотрел на пассажира, – я долго думал над причинами всего происходящего с нами.

– Я тоже, – ехидно заметил Аслан.

– Все мы думаем об одном, это правда. И все по-разному.

– Согласен.

– Так вот мне кажется, что среди миллиарда причин, приведших нас к неизбежному трагическому результату, есть и одна, прямо скажем, мистическая...

– Так вы не только учитель физиономики? – снисходительно усмехнулся Аслан.

– До войны я преподавал марксистско-ленинскую философию в Нефтяном институте. Тогда другой философии не было. А я был. Был доктором философии. Профессором...

– Да? – искренне поразился Аслан и пожалел о том, что разговаривал с философом в таком высокомерном тоне. – Извините...

– За что?

– Ну... Я вас слушаю!

– Так вот... Вы хотите, чтоб я рассказал вам о ленинской философии?

– Нет, о мистической причине.

– Вы, как образованный человек, как несомненный патриот, наверняка знаете биографию Хаджи-Мурата.

Профессор выждал паузу. Аслан не проронил ни слова. И Евгений Валентинович продолжил:

– Я лишь напомню, если позволите?

– Внимательно слушаю вас. – Аслан даже голову чуть заметно склонил.

– Не придавайте моим словам слишком большого значения. Это частное мнение совершенно отчаявшегося человека.

– Простите, Евгений Валентинович, мне очень интересно.

– Впервые в истории Хаджи-Мурат упоминается в 1834 году. Он сел на престол в Хунзаре. А сел потому, что его брат убил законного хана Аварии. В мечети! Вы понимаете, что это такое – человеческое жертвоприношение в храме Божиим?

– Понимаю. У русских Иван Грозный начал свое свирепое царствование с убийства в церкви. Боярина Репнина, кажется, в алтаре зарезали...

– Это одно из главных сатанинских таинств! – испуганно проговорил профессор ленинской философии. – Дальше больше... Я не буду разворачивать перед вами всю последовательность их служб и празднеств... Поверьте мне, Хаджи-Мурат, как и Ленин, прошел их в необходимой последовательности. Через семнадцать полных лет в 1851 году в Буйнакске... Как говорят народные предания, Хаджи-Мурат «шакалом напал на аул, убил хана, взял в плен его жену и детей и, как подлый хищник, скрылся в чеченских горах». В этом же году он предал Шамиля и перешел на сторону русских.

– Представляю их удивление! Это все равно как если бы Хаттаб перекинулся к федералам.

– И всех своих ваххабитских наемников перетянул бы, – уточнил профессор. – А через год он и от русских сбежал. Но неудачно. На следующий же день его настигли карабахи и лезгины.

– У Льва Толстого все подробно описано.

– А знаете ли вы, где похоронен Хаджи-Мурат?

– По-моему, где-то в районе Нухи?

– Правильно! Это на территории нынешнего Азербайджана. Но... Приготовьтесь, молодой человек! Слушайте меня внимательно! Хаджи-Мурат похоронен не весь!

Аслан вытаращил глаза.

– Сначала отрубленную голову Хаджи-Мурата заспиртовали и отослали в Тифлис на опознание.

– Как и голову царя Николая Второго.

– Правильно! Потом голова Хаджи-Мурата была переправлена в Петербург. В Кунсткамеру! У этого сатанинского экспоната и номер есть! 6521-й.

– А сейчас где она?

– Там же. Хранится в запасниках.

Впереди на дороге показался военный пост.

– Вот, – выдохнул Евгений Валентинович, – мне и кажется, что нужно нам эти останки похоронить. Соединить тело и голову. Соблюсти религиозные обряды – все как положено... Чтоб отвести от нас сатанинское проклятие.

– Говорят, голову Николая Второго тоже еще не нашли.

– Русские тоже мучаются. У них еще один бес – Ленин без погребения под стенкой валяется.

Постовые милиционеры издали помахали автоматами – приказывали остановиться.

– А почему мы, чеченцы, должны расплачиваться за какого-то дагестанского иблиса, за русского беса?

– У Бога нет различия между детьми. Мы все – одна семья. Почему мы, татары, умираем на вашей войне? – торопился высказаться профессор, притормаживая у КПП.

Милицейский патруль проверил документы у Евгения Валентиновича и у Аслана, все по очереди покрутили в руках его справку об освобождении из Чернокозова.

– Драпаешь? – совершенно равнодушно спросил офицер.

– Никого в живых не осталось, – честно признался Аслан. – Хочу в России отыскать родственников.

– Привози их домой. – Офицер протянул Аслану документы. – Скоро мир наступит, надо будет снова людьми эту землю населять.

– Найдутся желающие, – горько усмехнулся профессор.

– Это наша страна, – твердо заявил офицер. – И нам Аллах приказал жить здесь. Проезжайте! Отпускаю вас на время. Оба должны вернуться! Ясно?

И этот якобы грозный приказ прозвучал как пожелание жизни, мира, счастья!

– Спасибо вам. – Аслан чуть заметно поклонился и отступил к машине.

– Все кажется мне чрезмерным, странным и ненастоящим. – Евгений Валентинович залез в кабину своей потрепанной «Нивы». – Этот сентиментальный ментовской капитан. И эта разбомбленная земля, и эти кордоны, и эти люди с оружием.

– Дело не в окружающем. Это у вас, наверное, марксизм-ленинизм до сих пор перед глазами.

– Может быть, вы и правы, – охотно согласился Евгений Валентинович. – Скоро Слепцовск, я вас там высажу. Вы сможете самостоятельно добраться до Назрани?

– Ну там ехать-то всего минут пятнадцать! – Аслан убрал документы во внутренний карман.

– В мирное время и по неразбитой дороге, – тяжело вздохнул профессор. – Ну что мне с вами делать? Придется потом одному из Назрани возвращаться.

– Не знаю, хватит ли у меня денег?

– Бросьте вы ерунду говорить! – вспыхнул Евгений Валентинович. – При чем тут деньги? Я же вам сразу заявил, что мне нужен только попутчик. А может, мне вам денег дать? Вы же далеко едете? Вам на билет хватит?

Аслан только плечами пожал.

В Назрани он понял, что денег в обрез – хватило только на плацкартное место до Москвы. Евгений Валентинович помялся-помялся, да и приплатил немного – на постель, и еще дал двадцать рублей – перекусить в дороге.

– Спасибо, профессор. – Аслан был бесконечно благодарен за помощь. – Я обязательно верну! Я не забуду!

– Возвращайтесь! Я буду ждать! Обязательно возвращайтесь! Как мент приказал – с женой и с детьми. С братом, сватом! Со всеми своими, кого разыщете.

– Я сына еду искать.

– Найдете, привозите ко мне. Я его философии выучу.

– Ленинской?

– Не шутите так, молодой человек!

– Простите, я же не хотел вас обидеть.

– Мне ехать пора. Темнеет...

И они расстались, мало веря, что судьба еще когда-нибудь сведет их вместе. Евгений Валентинович покатила по своим делам в Слепцовск, торопясь успеть, пока еще светло, пока еще можно проскочить. Аслан пристроился на вокзальной скамейке ждать до вечера.

Два раза его тормозили милиционеры, проверяли документы, но придраться было не к чему.

Подали к перрону состав. Ничего другого Аслан и не ожидал – нужный вагон оказался в самом конце платформы.

У дверей милиционеры еще раз проверили документы и билет.

В вагоне, не дожидаясь отправления, Аслан расстелил на верхней полке чахлый железнодорожный матрас, у пожилой проводницы досрочно выпросил постельное белье. И через несколько минут с удовольствием растянулся на холодной и чуть влажной простыне. Заснул сразу же. И во сне даже не заметил, как бесшумно и плавно тронулся скорый поезд.

Под стук колес хорошо спится.

И снова Аслан оказался дома – мама, лежа в гамаке, кричит с балкона, зовет обедать...

На кухне отец в переднике вытирает руки и ставит тарелки на стол, глядя прямо в душу печальными глазами...

Мальчишки стоят перед кирпичной стеной, увитой переплетениями дикого винограда.

– Чтобы вырос такой закрученный, такой толстый ствол у простого дикого винограда, – серьезно говорила черноглазая красивая девочка, – нужно... тысячу лет!

– Тогда и кирпичей не было! – смеялись мальчишки. – Как мог вырасти виноград на этой стенке, если стенки еще не было?

– Вы, мальчишки, дураки! – заплакала красавица.

И из ее глаз посыпались жемчужные слезы – они катились по траве и терялись.

2

Столбик ртути на шкале моего настроения медленно, но верно полз вверх. И пожалуй, не так уж медленно. Я даже боялся, что вот-вот ртуть доползет до высшей отметки и мой мысленный термометр сломается. Что и говорить, сидя в кожаном кресле моего нового «БМВ», я чувствовал себя отлично. «БМВ», конечно, был не последней модели, подержанный, но очень даже в хорошем состоянии, скажу я вам. Думать о таких мелочах, как какие-то пятнадцать тысяч километров пробега, совсем не хотелось. Жизнь была замечательна, июньское солнце, пожалуй, даже чересчур интенсивно светило прямо в глаза, а впереди расстилалась прямая, пусть и не слишком ровная, дорога.

Будь на вашем месте налоговый инспектор, он обязательно спросил бы, на какие это, интересно, деньги я, Гордеев Юрий Петрович, адвокат юридической консультации № 10, находящейся по адресу: Москва, улица Таганская, дом 34, приобрел свою иномарку – пусть даже и не новую, но достаточно приличную. На обыкновенные деньги, ответил бы я, на бумажные.

Только что я закончил вести одно дело – в общем, даже и несложное, но достаточно выгодное. Некая предприимчивая дама (Кристина Александровна Умецкая, 1965 года рождения, замечу в скобках – симпатичная, бюст очень даже ничего, но ножки немного подкачали), запутавшись в долгах и разнообразных денежных махинациях, решила перевести офис своего босса на себя. По поддельным документам, разумеется. Плевое, я бы даже сказал, дело, но офис был внушительный, в самом центре. Так что и гонорар за образумливание... или образумление?.. Короче говоря, за выведение Умецкой на чистую воду гонорар причитался не очень маленький. Я бы даже просто сказал – немаленький, только вдруг среди вас все же обнаружится налоговый инспектор?

Но, несмотря на подобные гонорары, не сказал бы я, что обожаю подобные дела. Слишком они все-таки скучные, эти бумажные разбирательства, и что-то они в последнее время попадают мне очень уж часто. Душа просила иногда и чего-то более активного, но сегодня ей хватало и нового «БМВ».

Я потянулся к магнитоле, включил радио, нашел подходящую моему приподнятому настроению песенку (ею оказалась «Sunshine Reggae» – уж и не знаю, кто ее исполняет, но в данный момент это было то, что нужно), расслабился и закурил. Вообще-то я не могу себя назвать большим меломаном – не разбираюсь ни в стилях, ни в исполнителях, да и времени на это совсем нет, но от звучания автомобильной стереосистемы я даже на какое-то время отвлекся. И как раз в этот момент моего наслаждения и, можно даже сказать, соприкосновения души с высшими сферами через дорогу побежала девушка, и надо же! – прямо мне под колеса. Я ударил по тормозам, крутанул руль, но девушку, похоже, все-таки задел. Только этого мне не хватало!

Помнится, таким же вот образом я, лет в тринадцать, угодил под грузовик. Нога попала в какую-то выщербину на дороге, каковых у нас всегда было более чем достаточно, упал, и эта здоровенная машина как раз проехала по ноге. Отделался, правда, до смешного легко – перелом, причем закрытый, так что некоторые приятели даже мне не сразу верили. Шофер, что меня сбил – дядя Женя с соседней улицы, которого все мы знали, потому что он был любитель поиграть в карты в нашем дворе, да все время проигрывал, – вышел из грузовика весь белый и трясущийся – решил, будто насмерть. А я от шока только смеяться мог. Все лето у меня, правда, было испорчено – со сломанной ногой ни мяч не попинаешь, ни на велике не погоняешь. Те, что помладше, даже пытались дразнить меня: «Юрка, Юрка – вместо ноги чурка», пользуясь тем, что догнать я их не мог. Но через полтора месяца гипс сняли, и несколько раз дядя Женя даже

брал меня с собой на рыбалку – чувствовал себя виноватым. За это время я сильно привязался к нему, своих детей у него не было, да и жены тоже, жил он холостяком.

Через год дядя Женя погиб – перебрал лишнего и вместе со своим грузовиком угодил в реку. Мы с ребятами бегали смотреть, как вытаскивали из воды его тело. Тело на дядю Женю совсем не походило, было каким-то обмякшим и вообще неприятным. На его похороны я не пошел.

Я выскочил из машины и наклонился к пострадавшей. Она уже приподнялась и хотела было встать без моей помощи, но сморщилась от боли и застонала.

– Жива?! – спросил я, хотя это было и так очевидно. Она кивнула.

Я помог ей подняться на ноги (на ее очень даже красивые ноги, сказал бы я в другой ситуации, но, к сожалению, сейчас было не до того). Когда она встала, во мне зашевелилось что-то похожее на комплекс неполноценности. Вообще-то я не могу пожаловаться на свой рост, но тут был как раз такой случай. Я совсем не удивлюсь, если в детстве ее дразнили Каланчой – как дядю Степу.

– Идти сможете? Может, вам в больницу или травмопункт?

Девушка кивнула в ответ на мой первый вопрос, а вместо ответа на второй похромала в сторону тротуара.

– Давайте я вас подвезу! – крикнул я ей, уже даже и не надеясь на какую-либо реакцию с ее стороны.

Неожиданно девушка обернулась.

– Да, – сказала она, очевидно приняв какое-то решение. – Подвезите меня, пожалуйста... Вы знаете, где здесь Птичий рынок?

Я галантно распахнул перед ней дверцу. Обошел машину и сел за руль. Сидя в машине, я почувствовал себя комфортнее – наша разница в росте мгновенно исчезла.

– Впервые в жизни вижу человека, который так спешит на Птичий рынок, что не замечает проезжающих мимо машин, – попытался пошутить я, чтобы завязать разговор. – Это где-то рядом с Волгоградским проспектом?

– А где Калитниковское кладбище находится, вы тоже не знаете? – не желая реагировать на мой юмор, спросила девушка.

– Вы уж определитесь, куда вам надо – на кладбище или на Птичий рынок, – не унимался я.

Девушка только вздохнула:

– Ох уж эта мужская логика! Я пытаюсь дать вам ориентиры...

– Кстати, вы знаете, чем отличается мужская логика от женской?

Моя спутница лишь равнодушно пожала плечами. Но я не отступал от своего намерения хоть как-то ее развеселить и рассказал ей свой любимый в последнее время анекдот:

– Одного мужчину спросили, какова вероятность того, что он встретит на улице динозавра. Он ответил, что примерно одна миллиардная. Когда тот же вопрос задали женщине, она ответила – пятьдесят на пятьдесят.

Я выдержал паузу. Девушка не выдержала:

– Почему?

– Либо встречу, либо не встречу.

Получилось! Моя спутница наконец позволила себе улыбнуться. Люблю, когда мои старания приносят результат. Правда, через пару секунд она вновь опустила углы губ.

– Смешно, – вздохнула она.

3

Аслан всю дорогу проспал, как говорится, без задних ног, впервые отсыпаясь в полной безопасности, впервые за несколько последних безумных лет.

Проснулся только за два часа до Москвы.

Умылся, сдал постель, скатал матрас, забросил его на третью полку. И, помаявшись в тесном вагоне, вышел, чтоб не мешать людям собираться, и встал в тамбуре у окна. Какой-то угрюмый мужик у противоположного окна с остервенением курил одну за другой едкие папиросы.

– Едешь в Москву бомбы подкладывать? – скривился он в сторону Аслана.

– К жене возвращаюсь, – спокойно соврал Аслан.

– Успел свою переправить в мирное место? – не унимался угрюмый мужик. – А я нет! У меня всех ваши зарезали! И даже старуху!

Аслан молча повернулся и через переход прошел в другой вагон.

Ни капли обиды или раздражения он не испытывал к тому задиристому мужику. Жизнь приучила Аслана относиться к подобным провокациям как к самому обыкновенному, обычному. Как к ветру, например, или как к дождю. Дует, каплет – отойди в сторонку. О настоящей боли, о действительных утратах так не говорят. А может, не врет?.. Кто его знает... Тем и успокоит истерзанную душу.

С приближением к столице на сердце становилось все тревожнее и тревожнее. В мрачных казематах Чернокозова встреча с любимой представлялась праздником на облаках в море цветов! А наяву... Денег не хватит даже на один цветочек. Да и захочет ли она увидеться? Покажет ли сына? Вероятнее всего – нет. Не станет разрушать настоящую, налаженную жизнь ради каких-то туманных воспоминаний.

Да и что у них было? Полгода детских ухаживаний? А после его отъезда – она в полном одиночестве... Стыд перед знакомыми, укоры родителей. От Аслана она не видела ничего хорошего за все эти годы, только редкие и короткие разговоры по телефону.

Насчет жены Аслан действительно соврал случайному попутчику. Но не на все сто процентов. В Москве у него был сын! И любимая женщина, которая родила ему этого сына. К ним он и ехал. Хотя и была эта любимая в настоящее время женой совершенно другого человека. Ответственного работника Министерства внутренних дел...

В купейном вагоне, куда прошел Аслан, можно было только встать около окна в коридоре. За его спиной суетились пассажиры, стараясь успеть воспользоваться туалетом до прибытия поезда в карантинную зону. А перед глазами за окнами в вечерних сумерках улетали в бездонное прошлое пригородные платформы, березовые рощи, дачные поселки и краснокирпичные коттеджные городки за высокими бетонными заборами. Многоэтажные дома подмосковных городков, переезды с иностранными машинами, поля, заводы, реки и мосты... Золотом сверкали кресты далеких церквей.

На вокзале стремительная толпа подхватила Аслана – он не успел и сообразить-то, куда ему нужно пробираться!

– Гражданин! – остановил его милицейский патруль. – Предъявите документы!

Такой строгости Аслан никак не ожидал. Его бесцеремонно и дотошно расспросили, кто он, куда направляется, зачем, на какое время? Перечитали все бумажки и документы. Разве только на зуб не попробовали. И не нашли, к чему придраться. С явным сожалением, будто упустили какое-то удовольствие, вернули документы:

– Ну гляди, не забудь зарегистрироваться! А то... Сам понимаешь. У нас тут много ваших... С терактами!

Аслан сдержался, не ответил. Молча взял документы, проверил, все ли вернули...

Чтобы позвонить, пришлось просто за бешеные деньги покупать телефонную карточку! А он и не знал, что здесь теперь таксофоны. Пришлось отдать последнее.

Кое-как разобрался в хитроумной инструкции, набрал номер. На другом конце провода тут же взяли трубку:

– Слушаю вас!

– Простите, – закашлялся Аслан, – это Елена Николаевна?

– Да. А это кто?

– Аслан.

– Да? – Елена растерялась и замолчала, видимо, не поверила собственным ушам. – А ты откуда звонишь?

– Я в Москве! Очень хочу тебя увидеть. Я тебе все расскажу!

– Асланушка, я же говорила тебе, что я не могу больше! Не могу! Столько лет прошло! Зачем? Зачем ты хочешь опять мучить меня?

– Я очень люблю тебя! И нашего сына!

– У меня своя семья... У меня нормальный муж... А... Где же ты был все это время?

– Позавчера меня освободили из концлагеря.

– Из концлагеря? Освободили... Ты говоришь правду?

– Леночка, ты забыла меня? Разве я когда-нибудь тебя обманывал?

– Замолчи! Я не могу тебя слушать!

– Почему?

– У меня сейчас сердце разорвется.

В трубке было слышно, как она тяжело дышит.

– Я сейчас приеду. Давай адрес! – Аслан от волнения никак не мог найти в карманах ни ручку, ни карандаш. Которых в общем-то там и не было.

– Через полчаса приедет мой муж. Сегодня у нас... не получится встретиться. Давай встретимся завтра?

– Хорошо, – только и успел вымолвить Аслан: она моментально бросила трубку.

Честно говоря, Аслан надеялся на чудо, виделись ему облака и цветы, а на самом деле представлял себе встречу несколько иначе. Могло быть по-разному. Больше всего было шансов на совершенно трагический вариант. Если бы она не стала разговаривать и сразу же бросила трубку. Но этого не случилось. Уже хорошо. Но! Даже лучше! Намного! Она же сама назначила встречу! Осталось только ночь продержаться...

– Вот и хорошо, вот и хорошо, – на разные лады, как заклинание, повторял Аслан, потирая дрожащие руки, – она не отказала. Она встретится со мной. Я все объясню, все расскажу. Она поймет. Главное, чтобы сын был здоров! И все у нас будет хорошо.

Вариантов ночлега не было – он решил перекантоваться на вокзале. Но оказалось, что и тут царят новые порядки – его попросту не пустили в зал ожидания, где есть скамейки. Вход только по билетам или за деньги. Ни того, ни другого у Аслана не было. И он отправился, как беспечный денди, гулять по ночной столице!

Он еще не знал, что всякое «лицо кавказской национальности», бесцельно и бесприютно бродящее по ночной Москве, кажется зловеще подозрительным и тем самым подвергает себя значительному риску – просто нагло провоцирует бдительную столичную милицию!

4

Юле Долговязовой было не до смеха. Слишком уж все не ладилось у нее в последнее время. Особенно сегодня. Все-таки риэлторская деятельность была явно не для нее...

В детстве она мечтала стать актрисой. Нет, даже не мечтала – она твердо знала, что другого пути в этой жизни для нее не существует. Она просто бредила театром. С девяти лет она занималась в школьном драмкружке, а с одиннадцати стала постоянной и незаменимой Снегурочкой на всех новогодних елках.

Когда она выходила на сцену, куда-то исчезала вся ее неловкость, застенчивость, она забывала про свой слишком уж высокий рост, к которому так подходила ее длинная фамилия. Она просто забывала о той колючей девочке, которая жила в ней в обычной жизни, у которой были разные и какие-то совсем глупые неприятности и проблемы – с мамой, с одноклассниками, с учителями. Как только на нее направляли свет вечно ломающегося школьного юпитера, как только она чувствовала чье-то внимание из зрительного зала – даже если там сидел только один человек, – она переставала быть собой, в ней словно натягивалась какая-то тонкая, но очень прочная звенящая струна. За несколько лет она успела побывать Красной Шапочкой и Хозяйкой Медной горы, Гердой из «Снежной королевы» и Ассолью из «Алых парусов», Алисой из Зазеркалья и Мухой-цокотухой, не считая, разумеется, разнообразных детских утренников с их постоянными персонажами – зайцами, белками, лисами и гусеницами.

Впрочем, не меньше самих спектаклей ей нравилось и просто проводить долгие часы на репетициях или даже помогать с реквизитом. Вдыхать пыльный запах тяжелых кулис и свежеструганных досок для новых декораций. Когда ей было плохо и грустно, она пряталась между стеной и задником, сидя там на сваленном реквизите. Нравилась и предпремьерная суэта, с радостными разговорами, с непременным страхом, что все сорвется, что она или партнер забудет текст роли, потому что где-то в глубине души она точно знала, что на самом-то деле все пройдет хорошо. Эх, сейчас бы ей хоть немного той детской непоколебимой уверенности...

Ей повезло, что у них в школе был театральный кружок. Еще больше повезло с его руководителем – его звали, как Лермонтова, Михаил Юрьевич. Правда, очень скоро ему пришлось уйти из школы из-за разногласий со школьной администрацией, и тогда он стал вести театральную студию в городском Доме пионеров, позвал туда и Юлю.

Юля, как, впрочем, почти все девочки в студии, была даже немного влюблена в Михаила Юрьевича, его мнение для нее было авторитетнее всех остальных, вместе взятых. И она ни секунды не сомневалась, что ей надо ехать в Москву, поступать там в театральное, тем более что и Михаил Юрьевич был уверен, что у нее несомненно есть талант.

Самым трудным был последний год в школе – ее мать настаивала на том, чтобы Юля непременно получила какую-нибудь престижную профессию, например поступила на иняз в местном университете. И слышать не хотела о театральной карьере для своей дочери. Студия тоже уже распалась: Михаила Юрьевича позвали руководить театром в Краснотурьинск – небольшой город в Свердловской области. Несмотря ни на что, Юля приняла решение: сказала маме, что едет поступать в МГУ, а сама между тем пыталась пройти творческий конкурс в Щукинском театральном училище. Себе она в тот момент казалась героиней Ирины Муравьевой из фильма «Карнавал».

Но вопреки сюжету фильма, она все же прошла с первого раза, хоть и набрала минимальное количество баллов, необходимых для поступления. В Щуке было весело учиться, Юле нравились занятия и постоянные репетиции, нравилось даже то, что у нее почти совсем не оставалось времени на какие-то другие дела. Да и дел в общем-то особых не было. Как и положено, она влюбилась в молодого человека курсом старше, они встречались, а через два года

расстались. Маме Юля написала о своем поступлении в театральное только спустя несколько месяцев. Мама погоревала, а потом смирилась с непутевым выбором дочери.

Годы учебы пролетели незаметно. Юля отнюдь не была лучшей на курсе, время от времени даже вставал вопрос об ее отчислении, но она удержалась благодаря своей старательности. Так что никаких интересных предложений из театров у нее не было.

Но Юля твердо решила остаться в Москве. Возвращаться в родной город совсем не хотелось – она помнила ту тоску, которая появлялась, стоило ей приехать к маме на каникулы. Однако и с театром, похоже, было кончено, новогодние переодевания в Снегурочку, позволяющие немного заработать, не в счет. Пора было что-то решать со своей жизнью и с работой, что для Юли было почти одно и то же.

Судьба сложилась так, что Юля попала в одно из многочисленных московских агентств по недвижимости. Некоторое время она жила у знакомых, потом снимала комнату. Но это было все, что она смогла себе позволить благодаря новому образу жизни. С личной жизнью дела обстояли неважно. Пару раз она затевала романы, но они быстро кончались, едва успев начаться. Видно, всех отпугивали Юлины долговязость и неуживчивость.

Работа не клеилась. Сделку удавалось заключить не чаще раза в месяц, а то и реже. Большую часть суммы за услуги в оформлении обмена или продажи квартиры получала, естественно, Юлина фирма. Самой же Юле оставалось только на еду и уплату за жилье. Наконец, поднабравшись опыта, она решила, что уже в состоянии оформлять сделки, не посвящая в это свое агентство. Такое случалось, конечно не слишком часто, но все же значительно помогало в денежном отношении.

В этот раз был именно такой случай – Юля помогала одному знакомому продать его однокомнатную квартирку. Но эта сделка проходила хуже некуда. Каких трудов стоило найти покупателя! И когда такой наконец нашелся, квартира ему оказалась нужна максимально срочно. Тут уж Юле пришлось побегать. Сегодня, например, нужно было успеть в два места одновременно – в опекунский совет и к начальнику паспортного стола. Юля и так уже опаздывала, а тут еще эта машина, сбившая ее...

Но все-таки чем-то она меня зацепила. Несмотря на свой высоченный рост и неразговорчивость.

– Давайте знакомиться, – предложил я. – Юрий... или Юра – как вам больше нравится.

Моя спутница, несколько поколебавшись, ответила:

– Юлия... Юля.

– Забавно, – заметил я. – Два «Ю». Как ваша нога? Надеюсь, я не слишком вас ушиб?

– Нет, уже почти не болит, спасибо. – Она все еще держалась настороженно. – Вообще-то я, конечно, сама виновата... День у меня сегодня какой-то неудачный.

Она осеклась.

– Ну зачем вы так, – ответил я. – День еще только начинается. Всякое может случиться.

– Вот-вот, – заметила она с нескрываемым пессимизмом. – Именно, что всякое.

– Давайте так, – предложил я. – Оставьте мне ваш телефон, я позвоню вечером и узнаю, как у вас день прошел. Вдруг все еще наладится.

– Нет у меня телефона, – сухо ответила Юля. Соврала, я думаю. – Вон там на углу остановите, пожалуйста. Спасибо, что подвезли...

Она хлопнула дверцей и пошла, чуть прихрамывая, вниз по улице на своих красивых и длинных ногах.

Небо между тем заволкло тучами, собирался дождь, и солнце уже почти не показывалось. По радио передавали какие-то хмурые новости о новом повышении активности чеченских боевиков в Грозном, очередном теракте на юге России, очередном футбольном матче, в

котором вновь продул «Спартак», и об ухудшении погоды на ближайшие две недели. Мысленный столбик ртути, измеряющий настроение, немного уменьшился, но, впрочем, не настолько, чтобы это следовало принимать во внимание. Я вспомнил (а вернее, вновь почувствовал всем телом) о новой машине и решил не обращать внимания на те проблемы, которые меня в общем-то не касаются.

Я лихо подкатил к своей юрконсультации, жалея лишь о том, что никого из коллег не видно поблизости и некому похвастаться. Но есть справедливость на земле – на крыльце оказался Серега Бежин, которому оставалось только присвистнуть, глядя на то, как я вылезая из своего приобретения.

– Последнее слово техники? – поздоровавшись, похлопал он блестящую на солнце машину по капоту.

– Предпоследнее, – ответил я. – Но тоже достаточно громкое.

– А припарковались вы фактически бесшумно, – пошутил Серега.

Серега у нас стажер. Молодой еще совсем, зеленый. Хороший парень, да и на редкость сообразительный. Хотя, мне так кажется, место ему совсем не в адвокатской конторе, а скорее уж на Петровке. Ему бы под руководством Грязнова уголовные дела распутывать: слишком он активный да приткий. Я, конечно, не говорю, что сам сюда пришел штаны просиживать, мне иногда тоже побегать приходится, особенно когда дело соответствующее попадет. Да только мне кажется, что по молодости, пока энергии хоть отбавляй, в адвокатской конторе слишком уж скучно сидеть, в бумажках разбираться да клиентам главы из юридических справочников наизусть зачитывать.

Вообще же Серега сильно напоминал мне Володю Шарапова из незабвенного телешедевра «Место встречи изменить нельзя». То же сочетание неопытности, дерзости и юношеского максимализма. Юный борец за справедливость. Хотя все мы по молодости на Шарапова походили, даже и те, чья молодость прошла еще до появления этого сериала. Жаль только, что, когда мы становимся старше, вся эта тяга к восстановлению справедливости и прочие «души прекрасные порывы» у одних покрываются жесткой коркой цинизма, а у других и вовсе исчезают бесследно.

В коридоре я встретил нашего начальника – Генриха Розанова. Он у нас ничего, даже деловой, с чувством юмора.

– Чего это ты сияешь как целковый?

Надо сказать, что с некоторых пор мы с ним перешли на «ты» – все-таки не один уже пуд соли вместе съели.

– Машину приобрел, – похвастался я.

– Поздравляю! Обмывать-то собираешься?

– Как же, как же! Непременно! Готов и прямо сейчас, да ведь только я теперь за рулем, – слукавил я.

– Ну и хитрец! Ничего, все равно придется... Наши ребята тебе этого так не спустят... Что за машина-то? «Девятка» какая-нибудь?

– Обижаешь! Смотри, вон стоит. – Я ткнул пальцем в окно.

За окном посреди незамысловатой будничной суеты сверкала свежeweмытыми боками «БМВ».

Розанов присвистнул. А я в который уже раз за сегодня полюбовался на свою красавицу. И в который раз ощутил гордость и даже некое недоумение, что именно я являюсь обладателем этого сокровища. Но ничего, привыкну.

– Шикуюешь, – сказал Розанов. – Это авто уж точно придется обмывать, без всяких сомнений. На такой машине по нашим дорогам ездить – большой грех. А тем более с твоими привычками...

Надо сказать, он был прав. Иногда вокруг меня творилось такое, что дай-то бог самому живым выбраться, не то что машину не повредить.

– Ничего, – махнул рукой я. – Чему быть, того не миновать.

Я прошел к себе в кабинет и стал разбирать бумаги, относящиеся к только что закрытому делу. Но очень скоро от этого сверхполезного занятия меня оторвал телефонный звонок. Это оказался опять Розанов.

– Зайди ко мне на минутку, как будет время, – попросил он.

Ну что ж, если труба, то есть начальство, зовет – надо идти. Я вышел из кабинета, в коридоре, рядом с окном, стояла хрупкая невысокая женщина в светло-зеленом костюме и плакала. У меня вдруг возникло то странное ощущение, которое называется «дежа вю» – вроде бы и что-то знакомое, а что – не помню. И тут у меня возникло смутное ощущение – я был прав сегодня, когда говорил сбитой мною Юлии, что за этот день еще всякое может случиться. Почему я так подумал – непонятно. Интуиция – штука разуму неподвластная.

Женщина обернулась, видимо почувствовав мой взгляд.

– Здравствуйте, – обратилась она ко мне, промокнув мокрые глаза платком. – Вы Гордеев?

– К вашим услугам, – несколько церемонно ответил я.

– Мне очень нужна помощь. Я пришла сюда, потому что... надо защитить одного человека.

5

Небольшой грузовой темно-фиолетовый автобус без пассажирских окон – автозак, специальный бронированный транспорт для перевозки заключенных, – тяжело прокатился по трамвайным рельсам на Лесной, свернул на широкую Новослободскую, проехал вдоль многоэтажного кирпичного здания мимо плотного строя припаркованных разнокалиберных и разномастных легковушек и, повернув резко налево, остановился у больших железных ворот. Милиционер, сопровождающий водителя, отложив автомат, с кем-то переговорил по рации, ворота автоматически разъехались, и автозак въехал внутрь дома – в пугающую черноту.

Две молодые женщины в милицейской форме строго и придирчиво проверили все необходимые документы у водителя и сопровождающего и только после записи в журнал и звонка по внутреннему телефону пропустили автозак к следующим железным воротам.

Там все действия повторились. Но на этот раз постовыми были не милиционерши, а крепкие солдаты и сержанты под командованием толстого прапорщика. Они не только дотошно проверили документы, обмусолили каждую бумаженцию, но и просмотрели специальными зеркалами на длинных ручках всю машину сверху донизу, оглядели днище и даже моторный отсек. Милиционеры сдали оружие – их пистолеты и автомат уложили в специальные ящики, а взамен выдали контрольные карточки. Вся процедура заняла минут десять.

Проехав третьи ворота, автозак оказался на солнечном внутреннем дворе Бутырского следственного изолятора. У дверей «приемного отделения» автобус остановился, боковая дверь отъехала вдоль борта – и оттуда выскочил на землю третий милиционер с автоматом наперевес.

– Выходи! – крикнул он внутрь автозака. – Не останавливаться! Руки за спину!

Щурясь от яркого солнца, появился измученный Аслан. Спуститься из автобуса, держа руки за спиной, ему было трудно.

Первое, что бросилось Аслану в глаза, – мощные круглые башни старинной Бутырской крепости. Массивные кирпичные стены, крошечные окошки с толстыми черными решетками. И высокая белая стена, окружающая двор, на которой по периметру красовалась повторяющаяся угрожающая надпись: «Ближе 1 метра не приближаться! Открываем огонь без предупреждения!»

Больше ничего разглядеть не успел. Сразу провели в «контору», оформили, проверили, зарегистрировали, провели что положено, выдали что положено и вывели дальше в широкий мрачный коридор. Железные двери камер по обе стороны. Прошли в самый конец, отворили ключом решетчатую перегородку, прошли в замкнутый отсек, закрыли за собой перегородку, открыли следующую...

И так раз за разом, открывая и закрывая решетки спереди и сзади, проходили коридорами, поднимались по лестницам, блуждали по лабиринту переходов. Всюду мрачная сырость, звонкий кафель под ногами. Штукатурка, когда-то в допотопные времена бездарно выкрашенная зеленой масляной краской, отваливается целыми пластами, крошится и слетает кривыми стружками.

Наконец Аслана поставили лицом к стене, звякнули ключи, заскрипели вековые дверные петли, пахнуло спертым воздухом, донесся гул голосов и стих...

– Приехали, – сказал конвойный и подтолкнул Аслана в камеру. – Обживайся!

Будущие сокамерники встретили его без особого интереса и волнения. Взглянули будто мимоходом, приблизительно оценили, сплюнули и снова вернулись к своим прерванным делам.

Аслан, не двигаясь от порога, внимательно осмотрелся. По всей вероятности, тут ему предстояло провести значительную часть ближайшего будущего. И от того, как он сделает первые шаги, во многом зависела его судьба...

Справа от двери за невысокой загородкой располагается умывальник и унитаз. Ясно.

Прямо по курсу – узкий проход между многоярусными нарами. И небольшой стол в конце этого прохода. За ним на торцевой стене еще несколько этажей нар и над ними небольшое мутно-белое зарешеченное окно. Самые козырные места. Авторитеты там... тусуются.

Все нары были плотно заняты, на каждом спальном месте кто-то храпел, кто-то просто свернулся, как собака, калачиком. На нижних нарах сидели небольшими группками, компаниями. Говорили о чем-то, кто-то ел, кто-то читал, кто-то молча и тупо раскачивался из стороны в сторону... Народу было много. И от дыхания десятков людей в камере было невыносимо душно.

Скоро организм привыкнет. И перестанет замечать. Лишь бы туберкулез не подхватить...

Мимо Аслана, чуть отодвинув его плечом, прошмыгнул к унитазу невзрачный человек в драном спортивном трико, на ходу стаскивая штаны. Сел на унитаз, шумно и быстро опростался. Встал, не подтираясь, не спуская воду, натянул штаны и тут же затерялся где-то в темноте под нарами.

– Баклан! – крикнул зычный голос. – Ты опять? Что, я за тебя буду воду спускать?

– Тут свежачок залетел, – пропищал кто-то с верхних нар. – Пусть на коллектив поработает! Спустит, – в разных углах хохотнули, – пару раз. А мы ему потом поможем... Веничком протолкнем. Поглубже!

– Обломитесь, – тихо, но внятно сказал Аслан, проходя вперед.

– Братаны! Да это крутой! – засмеялся писклявый наверху. – На бздюм его! На бздюм!

– погоди. – Владельцем зычного голоса оказался широкоплечий детина почти двухметрового роста. – Ты, брателла, каких кровей будешь? – обратился он к Аслану.

– Я? – Аслан хотел выиграть время и успеть определиться, как тут могут отнестись к тому, что он не просто «лицо кавказской национальности», но и чеченец?

– Он не ассур, – определил писклявый. – И не армянин!

– Я чечен! – твердо заявил Аслан. Тут ничего не утаишь.

– Ну, – разочарованно протянул писклявый, – тогда иди дальше! Канай, кент!

Аслан сделал еще несколько шагов вперед.

– Еще дальше, – приказал зычный голос.

Когда глаза немного привыкли к полутьме, а горло к духоте, Аслан разглядел прямо перед собой нескольких человек, сидящих рядком на нижних нарах и уставившихся на него в упор:

– Ты действительно чеченец? – спросил один из них на родном языке.

– Наши родовые земли в аиле Старая Сунжа, – так же ответил им Аслан.

– Почему ты тут?

– На то воля Аллаха! – смиренно поклонился Аслан.

– Мы тебя конкретно спрашиваем. Все равно сегодня же все будет известно. Тебя как зовут?

– Аслан Магомадов.

– Знаю я Магомадова! – поднялся один из этой компании и вышел на свет.

Это был высокий и худой мужчина лет пятидесяти. Совершенно седой. С лицом уставшего и разочарованного библейского пророка. Он с брезгливостью оглядел Аслана, поморщил нос, будто обнюхивая, и безапелляционно заявил:

– Но это не он! Не похож... – подумал и добавил: – Или похож?..

– Я не единственный Магомадов на свете. – Аслан, сдерживаясь, опустил глаза.

– Тот служил у Бараева. Я его сам видел!

Они земляки, чеченцы... Вот только какие? Скорее всего, московские уголовники. Аслан промолчал, ожидая продолжения разговора, каких-то слов, по которым можно было бы точнее сориентироваться, куда они клонят, чего допытываются?

Но и собеседники замолчали, рассчитывая услышать комментарии с его стороны.

– Ты служил у Бараева? – напрямик спросил седой.
– Нет, – Аслан будто бы соврал, но сказал правду, – я только выполнял его отдельные поручения.

– Какие?

– Это его тайна. Я не могу чужую тайну открыть.

– А в «конторе» перед следаками ты так же сохраняешь чужие тайны?

– Аллах свидетель! – склонил голову Аслан.

– Что вы там шепчетесь по-собачьи? – прервал их зычный голос. – Говорите понятно!

Что это за говно к нам прибило?

– Ты что за говно? – седой спросил по-русски.

– Я учитель. Из Грозного. – Аслан тоже перешел на русский язык.

– Тебя Бараев прислал? – из темноты спросил кто-то из чеченцев.

– Нет. Его отряд был уничтожен. Спаслись только несколько человек. Бараев ушел в горы.

А я вернулся к людям.

– Что было потом?

– Чернокозово...

– Кончай базар! – подошел двухметровый амбал. – Тебя Асланом зовут?

Тот согласно кивнул.

– Вы его к себе берете? – спросил здоровяк чеченцев.

– Он же наш.

– Вот и ладушки. – Амбал похлопал Аслана по спине. – Раз побывал в Чернокозове, значит, ты, видать, мужик тертый. Тебя учить не надо.

Аслан молча принял слово «мужик». На местном жаргоне это означало, что он не вор, не уголовник, что попал сюда не по криминальным делам и будет добросовестно выполнять все тюремные законы, все приказания администрации.

– Садись, мужик, – чеченцы подвинулись на нарах.

И снова Аслан не стал спорить. Этот статус его вполне устраивал. Более или менее. Что ни говори, а первый шаг был сделан.

– Ты давно ел? – спросил его кто-то из темноты.

– Два дня назад.

– В отделении сидел?

Аслан молча кивнул.

Ему протянули кусок хлеба, кружку с водой:

– Жуй. Медленно глотай, понемногу. Потом еще дадим. На верхней шконке сейчас спит Мурат. Через два часа он спустится, ты ляжешь на его место.

– А я? – спросил седой.

– Брат мой, ложись рядом, – сказал голос из темноты. – Что я тебе еще могу предложить? Там, в солнечном мире, я мог бы дать тебе даже больше, чем ты мечтаешь... А тут... Только горе свое и муки за грехи... Если ты захочешь разделить со мной.

– Отдай мне боль твою, – седой сложил ладони перед лицом, – брат и учитель.

Аслан тщательно прожевал кусок хлеба, размягчая его водой до состояния жидкой кашицы. На собственном печальном опыте он знал, что будет, если глотать, как хочется, не сдерживаясь, большими кусками – много и сразу! Живот будет крутить и нестерпимо резать!

– Мы неделю сидели в окопах без крошки еды, – сказал голос из темноты. – В окружении. Немцы нас даже не обстреливали. Они знали, что мы сами передохнем. Кто-то не выдержал, застрелился. Кто-то раньше сам собою умер. Когда нас отбили, освободили, вывели к своим, то оказалось, что выжили только двадцать три человека. Из ста... Так вот нас разоружили и окружили колючей проволокой, чтоб никто не мог к нам приблизиться, покормить. Первый раз дали по несколько глотков воды. Потом, через полчаса, кусочек хлеба, размоченный в воде...

Еще через час по столовой ложке жидкой каши. А одному солдатику повезло. На раздаче стоял его земляк, то ли черемис, то ли хант. Какой-то редкой национальности. Ну он ему по-свойски... Побольше каши дал. Потом еще и добавил.

– Заворот кишок? – спросил седой.

– Часа два мучился, – подтвердил голос из темноты. – Орал, крутился по земле. Его пытались промыть, вызвать рвоту или как там еще? Ничего не смогли сделать.

– Да, – вздохнул седой, – за долгую жизнь много испытаний прошли вы, много чужой и своей крови пролить пришлось.

– Простите, – Аслан вежливо спросил учителя, – вы воевали в Отечественную?

– А как же! – С гордостью ответил за него седой. – Воевал! Был сыном полка. И вот видишь, куда занесло под конец жизни...

– Когда я вернулся с фронта, – начал рассказ голос в темноте, – даже не стал в пустой дом заходить. Чтоб сердце злом не наполнить. Сразу сбежал в горы. Пастухам помогал, скот пас. Даже жена у меня была! Я в горах по-прежнему жил. А она – внизу. Иногда приходила. И родные ее ко мне приходили, уговаривали вернуться. Не стал. Зачем беду искать? Мы и так хорошо жили. Только детей редко видел. Они с людьми в ауле жили. В школу ходили. Дочка без меня замуж вышла, сын женился. А тут и внук вырос. Школу закончил. Не выдержал я этого! Спустился к людям! Поверил... Весной девяносто первого года.

– И что дальше?

– Стали из меня легенду антисоветскую делать, всюду пихать в президиум! Всем я стал нужен!

– Разве это плохо?

– Да... Теперь они в горы ушли. А я, старый дурак, смерти жду в камере.

– Вы еще сто лет проживете, – проговорил седой. – Будет еще праздник жизни!

– Буди Мурата, – приказал старик из темноты. – Пусть мальчишка поспит. Через час разбудите его и меня. Мы поедем немножко. И еще часок поспим.

Так и началась бутырская тюремная жизнь Аслана Магомадова.

К вечеру того же дня он немного оклемался. Поел, поспал.

– Ты чему учил детей в школе? – допытывался старик.

– Английскому языку.

– Я же говорил! – обрадовался седой. – Я же вспомнил, что он был у Бараева переводчиком! Там я его и видел.

Когда Аслан немного обжился и разобрался, кто есть кто, оказалось, что в многолюдной камере больше всего совершенно случайно попавших сюда людей. По явному недоразумению. Один бедолага стоял недалеко от места, где было совершено тяжкое преступление. Его менты впопыхах схватили, улики подбросили... Адвокат доказал невиновность, но упрямые менты не хотят признавать собственных ошибок.

Другой беспечно подобрал с земли кем-то оброненную меховую шапку, а она оказалась только что украденной. Но ментам разве что докажешь? Тем более что потерпевшая не видела и не запомнила, кто с нее шапку сорвал!

Третий хотел немножко пошутить с петардами, и от его неловких действий загорелся ларек с товарами. Сгорело все, даже бухгалтерские книги.

Люди кантовались в камере по несколько месяцев, привыкали к тюремным порядкам, обустроивались, налаживали собственную, совершенно иную, чем на свободе, жизнь. И совершенно неважно, кем ты считал себя на воле. В этом мире ты будешь только тем, кем сможешь быть.

6

«...Мы полюбили друг друга с первого взгляда. Раньше мне казалось, что мужчина, который станет моим мужем, должен непременно соответствовать всем моим представлениям об идеале: быть высоким, красивым, богатым, умным, непременно москвичом и как минимум лет на десять меня старше.

Аслан словно был призван разрушить все эти мои представления и, вопреки всему, стать моим. Первым. Любимым. Моим солдатиком...

Он был невысокого роста, небогат, не то чтобы красив, скорее, очень обаятелен и мил. Почти одного возраста со мной – разница была лишь в несколько месяцев, и, что совершенно не вписывалось ни в какие мои представления – ни мои, ни тем более моих родителей, – он был чеченец...

– Ты просто сошла с ума! – говорила, точнее, кричала мама, которая поначалу не возражала против нашей дружбы, но словно с цепи сорвалась, когда узнала, что я собираюсь выйти за него замуж, после того как он отслужит в нашей части и демобилизуется.

– Я против, – коротко сказал отец.

А мне было все равно, что говорят мои родители. Я была уверена, что нашла человека, которого ждала всю юность и от которого готова родить ребенка. Это были самые счастливые дни моей жизни. Я просыпалась и знала, что будет дальше: сейчас я открою глаза – и реальность другого пространства, занятого новым человеком в моей жизни, ослепит меня и я с радостью соглашусь с ее существованием. Чувство новизны от давно знакомых предметов, привычного расположения вещей, всего, казавшегося мне раньше обыденным, не покидало меня.

Я стала другой. В меня вошла любовь. Я жила этим чувством. То, что я тогда испытывала, называется простым коротким словом: счастье.

Потом он нашел квартиру, в которой проходили наши встречи – кто-то из друзей-сверхсрочников, кажется, давал ключи... Мои родители ничего не знали об этом. Для них я придумала легенду о театральном кружке, который открылся в моем институте. В этом «кружке» я и пропадала все свое свободное время, – конечно, когда Аслан был свободен и его приятель отсутствовал.

Меня по сей день удивляет, как это все вдруг у нас с Асланом получилось – очень уж быстро и слаженно, будто давно кем-то свыше обговорено и отрепетировано. И ведь случилось, словно в тумане, будто и не со мной, а с кем-то другим, кто привык жить так, как жила я: с мечтой, с вдохновением, а теперь еще с диким внутренним напряжением, сметающим все на пути...»

Елена заплакала. Я молча подал ей стакан газировки, решив, что лучший способ понять собеседника в данной ситуации (тем более что собеседник – женщина!) – это набраться терпения и внимательно все выслушать.

– Может, все-таки кофе? – на всякий случай предложил я.

Елена отрицательно покачала головой.

– Простите меня, я...

– Я все понимаю, вы не волнуйтесь, – успокоил ее я, давая понять, что времени для нее у меня предостаточно.

Елена в самом деле успокоилась.

...«Мы встречались с ним раз в неделю в этой квартире, все остальное время я жила в ожидании этих встреч, почти автоматически выполняя домашние обязанности, посещая институт, а когда дел не было, просто бродила по городу. Когда его не было рядом со мной,

время тянулось вяло и медленно. Я становилась рассеянной, невпопад отвечала на вопросы, которыми забрасывала меня мама. Без него было пусто...

Потом мы встречались – и мир оживал для меня.

Я была неопытная и не сразу поняла, что произошло...

Аслан к тому времени получил известие из Грозного, что у него тяжело болен отец, и собирался уезжать... И я готова была ждать его целую вечность, но, когда я поняла, что жду ребенка, очень испугалась. Во-первых, не было рядом его... Во-вторых, я представляла себе, какова будет реакция родителей: они не знали, что я продолжаю встречаться с «этим чеченцем»... Наконец я решилась.

– Я жду ребенка, – сообщила своим родителям, собравшись духом.

Помню, что какой-то резкой, до боли в сердце щемящей судорогой закрывались глаза. Сознание просило слов о том, что оставило след где-то там, в глубине тянущейся вечности... Реальность скомкалась. Память выхватывала из прошлого – без имени, без возраста, без лица – один только профиль... Он появлялся в моих воспоминаниях ярким, цветным изображением, способным затмить все остальное вокруг меня, черно-белое...

Мама плакала и кричала, у нее был шок:

– У меня?! Внук-чеченец?! Как ты могла?! Доченька, пойми, тебе не нужен этот ребенок!

А отец сказал:

– Вообще, еще не известно, куда этот чеченец твой денется, когда узнает о ребенке...

Он словно в воду смотрел...

Аслан действительно исчез. У него заболел отец, он срочно уехал в Грозный – и пропал.

А для меня даже не было ни вопроса, ни тени сомнения: я знала, что буду рожать. Потому что любила его...»

– Он так и не узнал, что у него ребенок? – перебил я Елену.

– Узнал, – грустно ответила она, – но было слишком поздно, я ждала его почти год, а потом...

– Встретили другого? – продолжил за нее я.

– Да. Я боялась одиночества... Боялась никогда не выйти замуж. Сейчас я понимаю, что все это глупо, но тогда... Мною руководили какие-то другие мысли. Могу сказать, что мама сыграла в этой истории едва ли не главную роль.

– И что же было дальше, с тем, другим?

– Я вышла за него замуж...

...«С тех пор и начались все мои беды. Точнее, даже не беды, а растущие тоска и одиночество. Внешне все выглядело вполне пристойно. Алексей неплохо зарабатывал, заботился о Сереже, даже собирался усыновить его. И хотя кое-кто смеялся над ним, когда он говорил, что Сережа – его сын, Алексей хотел считать его своим сыном...

Но Сережа был очень похож на своего отца. И каждый день он напоминал мне об Аслане...

Я засыпала и просыпалась рядом с Алексеем, зарывалась в тишину, погружалась в свои воспоминания. По коже бежали мурашки, все как-то сжималось, словно замерзло, неудобство овладевало мной, парализовало меня, мне казалось, что если мы начнем с Алексеем говорить, то получится совершеннейшая нелепица. И мы молчали. Нарушал молчание чаще всего Алексей, он собирался с силами и коротко говорил:

– Я приготовлю что-нибудь.

А я старалась не смотреть на него, потому что в моих глазах он увидел бы равнодушие. Алексей чувствовал, догадывался о том, в чем я старалась не признаваться сама себе: что я скучаю по Аслану».

– Он больше не звонил, не приезжал, не делал попыток встретиться с вами? – спросил я.

– Звонил. Приезжал, – коротко ответила Елена.

– А вы?

– Я ведь была замужем и всеми силами, несмотря ни на что, пыталась сохранить семью. Кроме того, я помнила, что родители были категорически против брака с Асланом, да и Алексей, собственно, не сделал мне ничего плохого. Особенно когда Сережа был маленьким, он всячески поддерживал меня, и потом, ребенку нужен отец, который постоянно рядом, который воспитывает его, а...

– Аслан был далеко и появлялся не вовремя? – подсказал я.

– Нет, появлялся он вовремя, когда я начинала скучать по нему, он словно чувствовал те периоды моей жизни, когда мне его начинало не хватать, и...

– Вы собирались ради него бросить мужа?

– Не-ет... – Елена замялась.

– Простите за бестактный вопрос, я просто пытаюсь понять ситуацию, отношения, которые между вами сложились, чтобы так или иначе в первую очередь не причинить вреда вам.

– Спасибо, – тихо сказала Елена и добавила еще тише: – Я, наверное, произвожу впечатление женщины, которая не знает, чего хочет, да?

– Я вам не судья – это во-первых. А во-вторых, если честно, на меня вы производите впечатление красивой женщины, что автоматически заставляет меня не замечать ваших ошибок... и возвращаюсь к тому, что, во-первых... – Гордеев сбился.

Елена печально улыбнулась:

– Я путано вам все это рассказываю. Вы, наверное, думаете, к чему все это? Правда?

– Ну что вы, я давно уже понял, что человек, которого надо спасать, – ваш... Аслан, а тот, от которого его надо спасать, – это, судя по всему, ваш муж...

– Нет, что вы! – Елена растерялась. – Алексей не сделал ему ничего плохого! С чего вы взяли?

Но в голосе Елены не чувствовалось уверенности. Она словно испугалась моего вопроса.

– Я просто высказал предположение. И буду только рад ошибиться. Просто нужно быть совершенно бесчувственным, чтобы не ощущать вашего отношения. Это я об Алексее... Неужели он не чувствовал?.. – Я задумался, подбирая слова.

– Того, что я его не люблю? – прямо спросила Елена.

– Да.

– Чувствовал, конечно. И догадывался, кто тому виной. Но он не хотел разрушать семью... И он любит моего сына.

– Одним словом, оснований подозревать мужа у вас нет?

– Я рассказываю вам все это потому, что чувствую себя виноватой, – попробовала объяснить Елена. – Мне кажется, что есть какая-то связь между тем, что произошло с Асланом, и нашими с ним отношениями.

– Какая?

– Я не знаю.

– Тогда давайте вернемся к началу. Только не ваших отношений с Асланом, а того, что заставило вас прийти ко мне.

...В квартире Алексея Марченко царил идеальный порядок. Все было прибрано, начищено и сияло, как никогда. Закатное солнце разбрасывало по паркету, по поверхностям шкафов сотни неожиданно ярких отблесков. На кухне все было приготовлено к позднему ужину: в супнице – уха, на сковородке – котлеты. Дом ждал хозяина. Скоро должен был прийти Алексей.

Елена, с накрученными волосами, в халате, убирала кое-что из вещей, лежащих не на своем месте, поглядывала на часы: минут через десять придет бабушка с внуком, в последнее время она стала забирать его из садика. Потом – муж, и все сядут за стол.

Она снимала с волос бигуди, одновременно смахивая незамеченную пыль с полки, открыла шкаф, выбирая, что надеть: сегодня очередная годовщина... Ровно пять лет с того дня, как они с Алексеем расписались.

Неожиданно раздался звонок.

«Мама? – подумала Елена. – Рановато они сегодня».

На ходу запахивая халат, пошла открывать дверь. По привычке заглянула в дверной глазок и отшатнулась: там, на лестничной площадке, стоял... Аслан.

– Привет... – растерянно сказала она, открывая дверь и чувствуя непонятное раздражение. Впрочем, чего тут не понять? Все так некстати. Не хватало теперь еще, чтобы и так не находящий себе места от ревности муж застал здесь Аслана.

Если честно, она его и узнала-то не сразу. Да, это был далеко не тот восточный красавец, с которым она познакомилась в свое время. Помятое лицо, землистого цвета кожа, сутулые плечи... Пыльная одежда...

И взгляд... Самое главное – этот взгляд. Потухший, какой-то обреченный. Безнадежный взгляд.

– Привет, – повторила она и отвела глаза.

Аслан все понял, попытался улыбнуться. Это получилось плохо.

«И надо же, именно сегодня!» – Елена помедлила в дверях, словно сомневаясь, приглашать ли Аслана в квартиру: может, лучше договориться о встрече как-нибудь потом? Но встретившись с ним глазами, тихо сказала:

– Проходи.

– Здравствуй, Лена. – Он попытался ее поцеловать.

Она отстранилась.

– Где сын? – Он покосился на дверь в комнату.

– В садике, вот-вот должны прийти с бабушкой...

– Муж?

– На работе, – ответила она сухо.

– Вижу, я некстати, – сказал Аслан, – ты извини.

Она опустила глаза:

– Я должна переодеться, извини.

– Да, конечно. – Аслан вышел из комнаты, зашел на кухню.

Ей стало неловко и за ужин на плите, и за этот порядок, и за всю видимость своего жизненного благополучия.

«Пришел, наверное, потому, что больше некуда, а не потому, что видеть хотел, – обиженно подумала Елена и тут же в мыслях оборвала сама себя: – Ну а если бы и хотел, что тогда? Готова ли я бросить сейчас все, точнее, мужа ради него, Аслана?»

Елена не знала ответа на этот вопрос. Чем дальше, тем сложнее ей было на него ответить. Ей казалось, если бы Аслан позвал, настоял, потребовал, она бы, возможно, решилась... А он вел себя непонятно, как-то отстраненно, равнодушно. Елена его не понимала. И поэтому страдала, мучилась, ждала и не ждала одновременно, не знала: радоваться ли ему или не пускать к себе, ей казалось, что-то в ее жизни упущено, безнадежно утрачено, и вернуть все это нет уже никакой возможности.

Зазвонил телефон.

– Да? – Елена взяла трубку.

– Ты одна? – почему-то спросил Алексей.

– Привет, – обрадовалась она, – как твои дела? Все в порядке на работе?

- Все в порядке.
- Гаврилов уволился?
- Уволился.
- Слава богу, теперь тебе станет легче дышать.
- Это точно.

Не позволяя ему задать вопрос снова, Елена радостно сообщила:

– А мама приготовила твою любимую уху. Специально для тебя. Ты помнишь, какой сегодня день?

– Помню. – В голосе Алексея чувствовалось напряжение.

Елена поняла, что он снова спросит:

– Так ты одна?

– Да... То есть нет, – замялась она.

– Так «да» или «нет»?

– Нет, – сказала она и увидела Аслана, который стоял в дверях и показывал ей, что нужно сказать: «Да».

Но было поздно.

– Он? – спросил Алексей.

– Кто? Ты скоро будешь? – спросила она.

Трубка ответила прерывистыми гудками.

Елена растерянно посмотрела на Аслана.

– Я пойду. – Он направился к двери.

Но даже не успел открыть ее. Снова раздался непрошенный звонок.

– Что делать? – испуганно прошептала Елена и посмотрела на Аслана, а потом тревожно спросила: – Кто там?

– Открывай, – раздалось с лестничной площадки.

– Кто? – повторила вопрос Елена.

– ОМОН! – После чего раздался глухой удар, заставивший дверь содрогнуться.

Она шелкнула замком. Десяток омоновцев ворвались в коридор...

– Где он? – крикнул плечистый мужик в шлеме и с автоматом в руках.

– Кто? – Елена сделала вид, что ничего не понимает. Омоновцы, не тратя времени, разбежались по квартире... Но, к удивлению Елены, никого не нашли.

...Аслан лежал, затаившись между шпалерой невысокого подстриженного кустарника и почти вплотную припаркованного к этой зелени «мерседеса», и боялся шевельнуться. У него затекла нога. Но двинуться он не мог.

Из соседнего подъезда вышла бабушка с пушистой глупой болонкой, чуб которой был завязан красным бантиком.

– Тюня, Тюня, ко мне! – противным голосом позвала бабушка собачку, но та, не привыкшая к повиновению, отправилась гулять сама по себе.

– Тюня, фу! Я тебя только что помыла!

«Вот еще на мою голову». – Аслан затаил дыхание... Он понимал, что если болонка обнаружит его, то тогда действительно конец...

Тюня обнюхивала все кругом и всюду оставляла свои отметины.

– Я кому сказала! – не унималась бабушка, возмущенная Тюниным поведением.

Тюня не обращала на нее никакого внимания. Она понюхала дерево, кустарник, потом – колесо «мерседеса», подняла заднюю лапу и...

Залаяла во всю силу своей собачьей глупости.

«Мерседес» в ответ издал пронзительный звук, призывающий своего хозяина. Омоновцы, выбежавшие из подъезда, сразу бросились к машине.

Все это время Елена не находила себе места, она бросалась то к одному окну, то к другому, понимая, что Аслан где-то рядом и что каждую секунду его могут найти.

За годы жизни с Алексеем она только и делала, что всеми силами старалась полюбить его. Все кругом в один голос, включая маму, твердили, что лучшего мужа ей не найти.

«Кроме Аслана, – с грустью думала Елена, но наталкивалась при каждом редком его звонке на необъяснимую сдержанность любимого человека и уверяла сама себя: – Но он меня больше не любит, я ему не нужна».

Страх остаться одной, боязнь безденежья да уговоры мамы – вот что заставило ее в конце концов принять предложение Алексея и выйти за него замуж. А потом... Он уходил на работу, она растила сына, проблемы, из которых состояла ее жизнь, постепенно вытесняли из ее души боль и тоску по Аслану, вроде бы все как-то утряслось, образовалось... Как любила говорить ее мама: «Стерпится-слюбится».

Стерпелось. Можно сказать, почти что слюбилося.

Мысленно она уже вычеркнула Аслана из своей жизни, но этот его сегодняшний визит возродил, оживил все ее годами спрятанные от самой себя тайные желания. Оказывается, она и боится его, и рада ему... Ждет.

«Я сама виновата во всем, – думала Елена, стоя у окна, – и в том, что не дождалась, и в том, что вышла замуж, поддавшись на уговоры мамы, и в том, что назвала сына не так, как хотела, в честь его отца – Асланом...»

Она видела из окна, как сновали омоновцы по двору, заглядывая во все закоулки, обследуя все подвалы, видела она и то, как вышла бабушка с собачкой, как собачка облаяла «мерседес»...

Елена вскрикнула, она уже поняла, что будет дальше.

Аслана вытащили на проезжую часть, ловко скрутили, бросили на асфальт и врезали по почкам. Земля поплыла... Аслан вскрикнул, и удар повторился. Теперь они градом сыпались на него.

«Только бы этого не видела она», – мелькнула в голове Аслана мысль, и он поднял глаза на окна ее квартиры.

Елена стояла у окна...

Один из бивших его, тот, что врезал первым, заметил его взгляд, тоже увидел Елену и, спохватившись, приказал остальным:

– Хватит. В машину его...

Заломив ему руки за спину, двое поволокли Аслана за угол, и последнее, что увидел Аслан, был «газик», в который его с силой втокнули, ударив головой о железный борт.

Аслан потерял сознание.

Он пришел в себя только в какой-то незнакомой ему квартире. Его попытались поставить на ноги, но он падал: ноги его совсем не держали, в голове стоял сплошной туман. Тогда его поставили на колени, придерживая с боков.

– За что? – силился спросить Аслан, но не мог, из его рта раздавалось лишь шипение, текла кровь...

Его били до тех пор, пока его глаза не превратились в две узенькие щелочки. Зубов во рту почти не осталось... Боли он уже не чувствовал. Он падал, его поднимали, обливали холодной водой, приводя в чувство, и снова били.

Наконец сказали:

– Можешь сам решить, жить тебе дальше или нет. Ты должен признаться, что являешься боевиком, что приехал сюда из Грозного совершать террористические акты, что собирался свою бывшую жену завербовать в отряд снайперов, а сына воспитать воином Аллаха...

Они включили камеру, очевидно рассчитывая, что после таких побоев человек не сможет сказать им «нет». Но Аслан, собрав все свои силы, прямо в камеру произнес:

– Я не боевик. Я не хочу вербовать жену. А сына не собираюсь делать воином Аллаха... И упал от очередного удара.

– Мы заставим тебя это сказать!

Его душили, потом отпускали, давая отдышаться, и снова включили камеру. И он сказал:

– Можете застрелить меня, но я все равно этого не скажу.

Его били долго – до самого вечера. Методично и скрупулезно, по очереди, отдыхая от тяжелого физического труда. Все это время молчаливый человек с камерой сидел на стуле и ждал. Несколько раз он включал камеру, но Аслан снова отказывался говорить...

...За окнами уже темнело. Люди, которые вытрясали из Аслана душу, переговаривались между собой:

– Сколько еще? Неужели так и не признается?

Аслан молчал. У него не было сил даже говорить им, что ничего не скажет. Потом он сквозь затекшие веки видел, как они принесли бутылку с водой, насыпали туда что-то из маленького пакетика, который затем сунули Аслану в карман.

«Наркотики», – догадался Аслан.

Аслану широко открыли рот, вставили что-то в рот, чтобы не мог его закрыть, и опустили глубоко-глубоко горлышко бутылки, чтобы он не мог выплюнуть. Аслана рвало, они снова заливали в него жидкость. Потом на время прекратили процедуру, опять велели во всем «сознаваться». И в десятый, сотый раз ему диктовали текст для камеры:

– Я приехал завербовать жену в снайперы и забрать сына, чтобы воспитать его воином Аллаха...

А он только отрицательно мотал головой.

Наконец привели понятых, которых ничуть не удивил истерзанный вид задержанного. На глазах у них из кармана Аслана вытащили гранату РГД-5, взрыватель к ней, надорванный пакетик с героином, газовый пистолет, восемьсот долларов.

– Имей в виду, – сказали ему, – доллары фальшивые – это для тебя еще одна статья.

Составили протокол, когда уже совсем стемнело.

Аслана приволокли в какое-то казенное помещение и там продолжали избивать, только теперь это были другие люди.

Эти, новые, били с какой-то непонятной Аслану звериной радостью, словно душу отводили...

Били его и приговаривали:

– Это тебе за Минутку, теперь за Витька, – за всех наших братьев, которые там погибли, за наш район, это – за Заводской, а это – за Старопромысловский...

Он провалился в черную пустоту...

Очнулся от новых побоев.

– Что теперь с ним делать? – переговаривались они.

– Может, перевезти в ИВС?

– Куда? – не расслышал от ударов голоса своего «коллеги» один из палачей.

– Баран, – ответил первый, – в изолятор временного содержания.

– Далеко?

– Рядом, в Химках, – бодро ответил третий, успевший отдохнуть от изнурительного избияния чеченского «врага».

– Давай вставай! – Это уже было обращено к Аслану.

Но Аслан не мог держаться на ногах. Его челюсть была выбита. Он не мог вдохнуть – так резко болели грудь, спина, почки, бока.

Дежурные в ИВС отказались принимать его в таком виде.

Тогда у них возникла новая идея:

– Отвезем его на Восьмого Марта...

– Он же все слышит! – Второй заметил, что Аслан шевельнулся.

– Сейчас забудет, – ответил первый.

После чего его снова «погрузили» в тьму беспамятства. Аслан пришел в себя все в том же «газике». Он уже не понимал, утро сейчас или вечер, в глазах было темно, он думал только об одном: «Быстрее бы убили...»

Но, судя по всему, это в намерения палачей не входило. Везли его долго, часа два, по крайней мере, так казалось Аслану. Наконец «газик» остановился у больших железных ворот. Это оказалась больница.

Его бросили в коридоре, а сами палачи пошли в кабинет, из которого врач так и не вышел, чтобы взглянуть на больного.

– Господи, – склонилась над Асланом проходящая мимо санитарка-старушка, – кто же это тебя так?

Аслан не смог ответить. Открылась дверь кабинета, палачи вышли со справкой, очевидно, той, которая была им нужна.

– Может, помочь чем, сынок? – Старушка пыталась вытереть кровь на лице лежащего на полу Аслана.

– Иди, мамаша, по своим делам! – грубо скомандовал один из палачей и оттолкнул старушку. – Нечего наркоманов жалеть!

Старушка с жалостью посмотрела вслед утаскиваемому палачами Аслану, покачала головой:

– Господи, когда же все это кончится!..

– Гляди не болтай у меня, – оглянулся один из палачей, – а то для тебя прямо сейчас все и кончится...

Второй засмеялся. Очевидно, это была шутка.

– Куда теперь? – спросил первый, когда они вышли во двор больницы.

– Петрович сказал, челюсть надо ему вправить, – другой показал в неведомом Аслану направлении – туда.

«Заботятся, гады», – мелькнуло в сознании Аслана.

Тащили его недолго. Новое помещение находилось неподалеку от больницы. Аслан увидел только белый халат, белую маску на лице костоправа, который собирался вправить ему челюсть, и потерял сознание от острой боли, пронизавшей все его тело...

Пришел в себя он на бетонном полу. Боли он уже не чувствовал. И не думал о том, что с ним вообще будет дальше. Но почему-то беспокоил вопрос: «Неужели это Елена сообщила им, что я был у нее? Ведь они взяли меня буквально через десять минут после того, как я вошел в ее квартиру. И это не проверка паспортного режима. И не облава на террористов. Омоновцы действовали целенаправленно...»

Аслан гнал от себя подобные мысли, но его сознание снова и снова возвращалось к этому: «У нее своя семья, другая жизнь, я для нее – препятствие, возможно, даже напоминание о сделанной ошибке... Может, это и к лучшему, что у сына другой отец и что в его документах не будет написано: „Чеченец“... Хотя он, как она однажды сказала, моя копия. Бедный мальчик, только бы ему не пришлось пережить всех страданий, которые выпали на мою долю только потому, что я чеченец...»

Он вспомнил о том, с какой гордостью отец говорил ему о его происхождении. Древний княжеский род Магомадовых был известен не только в Грозном. Аслан всегда гордился своими предками. Даже тогда, когда в армии впервые в жизни услышал от «дедов» презрительное, обращенное к нему:

– Чечня!

Аслан ответил с гордостью:

– Да, я чеченец и горжусь этим.

«Деды» растерялись, они ожидали чего угодно: ответных оскорблений, драки, обид, но только не такого спокойного, гордого ответа.

С этого момента все вокруг словно забыли о его происхождении, и ни разу до конца службы никто не осмелился напомнить ему об этом.

Аслан рассказал своей матери о том, что в Москве у него есть сын, рассказал и об отношениях с родителями Елены. Мама Аслана рассудила, как всегда, мудро:

– Без родительского благословения, сынок, счастья не будет... Но если ты любишь и если она тоже тебя любит, то быть вам вместе вопреки всем обстоятельствам, козням всех врагов, которые только укрепят ваши чувства...

– Я очень скучаю по сыну, – говорил матери Аслан, – хочу его видеть, но боюсь мешать ее жизни, да и Сереже сейчас лучше не знать о своем отце...

– Если это твоя кровь, – так же спокойно и степенно отвечала мать, – то он тоже скучает и рано или поздно потянется к родному отцу, но не торопи события...

И Аслан ждал.

Голова раскалывалась, думать больше не было сил. Аслан провалился в глубокие расщелины памяти, ему почудился знакомый запах старых вещей, почти забытые голоса...

Аслан встал и пошел, открыл дверь в другую комнату и... очутился в темной комнатке с низким потолком – в крестьянской избе в три маленьких окошка, расположенных низко над полом, через них сильно бил свет луны с улицы. Комната слева была во тьме, но угадывался стол со стульями, и вроде там кто-то сидел. Из окна виделись сугробы снега, аккуратно отмеченные к концам протоптанной дорожки, – так было принято у них чистить улицы. Что-то очень знакомое...

Аслан узнал эту избушку с островерхой крышей, как монашеский куколь укрывшейся между трех кирпичных двухэтажек – эдакая присевшая бабушка. В этой избушке жила его бабушка до конца своих дней, как ни звали ее сыновья переселиться в новый, только что выстроенный кирпичный дом – та ни в какую.

И тут услышал Аслан голос бабушки, она позвала его ласково:

– Асланушка, иди ко мне... Сядь со мною...

– Бабушка...

Аслан прижался к ее лицу щекой. Она погладила его по голове своей сильной шершавой рукой:

– Узнал меня, внучек?

– Да, бабушка, но ты же умерла?

– Умерла, умерла, но вот решила с тобой повидаться. Здесь можно...

– Да ведь твою избушку снесли двадцать лет назад!

– Ничего, что нету, мне разрешили побыть здесь недолго.

– Так это что, теперь комната свиданий, что ли?

– Свиданий, внучек... Как ты, родной?

Аслану захотелось поцеловать ее, но что-то не пускало, она почему-то отстранилась в глубь комнаты, лицо ее уплыло куда-то, но рука так же сильно продолжала гладить Аслана по голове.

– Плохо, бабушка, помираю, видно...

Бабушка начала всхлипывать, плакать, утирая глаза краем ладони, Аслан вспомнил: она всегда так делала. Аслан взял ее руку в свою, а руки уже не видно, и лицо ее растаяло на глазах, остался только последний шепот:

– Иди туда, там тебя любят...

– Куда – туда, бабушка?

Все, и нет ее. Растаяла бабушка Аслана вместе со своей ветхой избушкой.

«На тот свет зовет, что ли?» – думал Аслан, приходя в себя, со стоном поворачиваясь на другой бок.

7

Уже с первой ее фразы в голосе слышалась такая незащищенность и в то же время такая надежда на то, будто я именно тот человек, который способен ей помочь, что сомнений у меня не оставалось: я возьмусь за это дело. Просто не смогу ей отказать. И вовсе не потому, что я такой уж слабохарактерный.

Однако сантименты сантиментами, а служба службой. Святым духом сыт не будешь.

– Хорошо, – сказал я, когда Елена немножко успокоилась после своего рассказа, впрочем, она взяла себя в руки довольно быстро. – Я согласен вести это дело. Но проблема в том, что бесплатно я не работаю. – Я предпочитаю говорить о деньгах безо всяких там намеков, чтобы всем сразу было все ясно. Иначе потом окажется, что кто-то что-то не так понял... – У вас есть деньги?

– Да-да, конечно. – Она стала поспешно рыться в сумочке. – Я не знаю, сколько вы попросите, но это не самое важное. Деньги у меня есть.

Я назвал сумму, обычную для таких дел. Конечно, всегда есть некий соблазн зависеть цену, услышав, что клиент может заплатить больше, но и тут необходимо знать меру.

– Разумеется, это в том случае, если все пройдет без всяких осложнений и закончится благополучно. Так что деньги лишь по окончании дела, – добавил я, видя, что она все так же продолжает рыться в сумочке. – Хотя, конечно, мне будет нужен некоторый аванс. Но совсем необязательно давать его сию секунду...

– Да нет, я же точно брала с собой кошелек. Помню, как собиралась к вам, отсчитала деньги, положила кошелек в сумочку. Еще книжку какую-то выложила... О господи, неужели, еще и кошелек украли. – И слезы вновь покатились из ее глаз, она разрыдалась. – Ну почему, почему все так сразу? Одно за другим, одно за другим, – всхлипывала Елена, утирая глаза платком.

Вот против чего я так до сих пор не нашел стопроцентно работающего средства, – так это против женских слез.

Особенно когда ты почти не знаешь самой женщины.

Когда и сам понимаешь, что какие-то причины для этих слез несомненно есть.

И когда видишь, что женщина перед тобой не истеричка какая-нибудь, а весьма сдержанная особа, которая вряд ли себе часто позволяет подобное на людях.

Это был как раз такой, особенный случай.

Впрочем, один способ успокоить женские рыдания я все же знаю. Способ этот заключается в одном коротком глаголе – «отвлечь». Я налил из графина, без которого просто невозможно обойтись на рабочем месте в такую жару, воды в стакан и протянул Елене. И словно невзначай спросил:

– А кем работает ваш муж?

– Он крупный чин в МВД... – ответила женщина после пары больших глотков. Впрочем, и после воды ей пришлось поделить название этой должности на три неравных части, чтобы успеть пару раз всхлипнуть. – Извините, что я так...

– А точнее?

– Генерал... Он курирует в министерстве места заключения...

Ой неплохо! Перед таким чиновником все начальники тюрем в струнку вытягиваются.

– А вы не предполагаете, что он тоже может быть замешан в этом деле? – продолжал спрашивать я. Это был вопрос наугад, взятый с потолка, имевший целью, как я уже говорил, единственно отвлекающий маневр. И он сработал!

– Вы знаете... – Елена не то задумалась, не то замешкалась. – Вы знаете, мне тоже приходила в голову эта мысль. Иначе кому все это было бы нужно. И вся эта милиция опять же. И откуда они знали, что он у меня окажется?.. Они, конечно, могли просто следить за ним, но мало ли ходит по Москве кавказцев. А арестовали почему-то Аслана.

Да, Гордеев, славно сработано – все-таки иногда полезно доверять первой же мысли, которая возникает у тебя в голове. Какая-никакая, а все же ниточка! Не факт, что правильная и ведущая в нужном направлении, но ведь и отрицательный результат – тоже результат, как считают люди поумнее нашего. Пока исходных данных настолько мало, что версий может быть бесконечное количество – от каких-нибудь мстящих чеченцев до масонской ложи или, например, неземной цивилизации, которой бедный Аслан Магомадов помешал в исполнении ее высших планов, а потому среди них найти хотя бы одну правдоподобную и небредовую нить – первый, необходимый и важный шаг.

– Значит, вы допускаете, что этот арест был совершен по указке вашего мужа из-за ревности?

– Я, конечно, не вполне уверена в этом. Но это могло произойти.

Мог, мог. Конечно, мог... Для чиновника такого уровня устроить арест неугодного бывшего любовника жены – раз плюнуть... Конечно, это пока только мои предположения, но уж больно они похожи на правду.

– Хорошо, а ваш муж знал о том, что к вам собирается Аслан?

– Вообще-то я ничего такого ему не говорила – зачем?

– Ну а кто такой Аслан, он хотя бы знает?

– Да, кое-что он знает. Я рассказывала о нем, когда мы только познакомились, говорила, что собираюсь за него замуж. Но я не ожидала от него такого. Не думала, что он на это способен...

– А вы, – спросил я осторожно, – как к нему относитесь? Извините, конечно, что я лезу в ваши личные дела, но это мне тоже важно знать для расследования.

– Да-да, конечно, я понимаю, – сказала она, проведя ладонью по лбу. – Нет, я его не люблю. Хотя я уважала его до сих пор. Это был фиктивный брак – ему нужна была жена, с которой можно было бы выйти в общество, этакий непереманный атрибут, я бы сказала. Я... наверное, я совершила ошибку. Но я так устала ждать Аслана, и у меня уже не осталось надежды на то, что он когда-нибудь вернется. А жизнь как-то нужно было устраивать... А теперь приходится об этом горько сожалеть.

«Гораздо горше сейчас приходится сожалеть Аслану», – подумал я, но, разумеется, ничего не сказал. По-своему Елену я тоже понимал.

– Что ж, – сказал я вместо этого, – все мы совершаем ошибки, о которых впоследствии приходится горько сожалеть. Никто от этого не застрахован. Ладно, пока у меня к вам больше нет вопросов. Надо, видимо, ехать в прокуратуру, со следователем беседовать. Вы знаете, кто расследует это дело?

– Сейчас, – она снова полезла в сумочку и извлекла оттуда аккуратную записную книжку. – Вот нашла. Ковалев, Александр Васильевич, Дорогомиловская прокуратура. Бережковская набережная, 14. И телефон есть. Нужен?

– Да нет, все равно туда ехать придется. А впрочем, давайте, чтобы потом в справочнике не рыться.

Она продиктовала телефон. Я записал.

– Свои координаты мне заодно тоже оставьте, пожалуйста.

– Да, конечно, я совсем забыла, извините мою рассеянность.

Я кивнул слегка. Она продиктовала свой адрес и телефон.

– Хорошо, я позвоню вам, Елена Николаевна.

– Можно просто Елена, – произнесла она. – До свидания.

– И последний вопрос, – вдруг вспомнил я, когда она уже была у двери моего кабинета. Елена обернулась. – А почему вы пришли именно ко мне?

– Сама не знаю... Хотелось не слишком постороннего человека, моя подруга вас посоветовала. Она с вашей помощью развод оформляла когда-то. И дала о вас самые лестные отзывы. На вас можно положиться.

– Надеюсь, я оправдаю ваши ожидания, – сказал я несколько смущенно и попрощался.

Вот и будь недовольным, ворчи после этого на «бесплатные» дела – те, что сваливаются на нашу юрконсультацию по назначению суда, а потом с помощью Розанова расходятся по адвокатам, работающим здесь. Клиентура все-таки вещь полезная. И мне очень повезло, что у меня есть талант производить на женщин приятное впечатление...

Однако же хватит думать о пустяках, пора и делом заняться. Но вместо этого я уставился в одну точку и замер.

В голове было, что называется, шаром покати – пусто. Казалось, я даже не способен был ни о чем думать. Но я не прогонял это ощущение – по своему опыту знаю, что раз на меня такое накатывает, это неспроста. Для меня это своего рода непроизвольная медитация. Мозг что-то себе соображает и не успевает сформулировать словами. Анализирует информацию, раскладывает по полочкам. Видимо, из этого-то процесса и возникает то, что я склонен называть интуицией – ответы на вопросы впоследствии могут прийти будто бы сами собой, на самом деле являясь результатом такого вот мыслительного процесса. Единственная проблема вот в чем: я понятия не имею, какую именно информацию анализирует в данный момент мое неугомонное серое вещество – может, это история, рассказанная только что Еленой, а может, например, и какой-нибудь ничего не значащий случай, как, например, сбитая сегодня моей машиной Юлия. Или вовсе случайно услышанный разговор в той же булочной. Поэтому я и не даю себе расслабиться подобным образом очень уж надолго – жаль времени на то, что может и не пригодиться. Хотя, не спорю, вполне возможно, что разговор в булочной тоже может вдруг оказаться полезным для дела. Неисповедимы пути господни... Все это может пригодиться и не прямо сейчас, а лет так через десять, допустим.

Однако же действительно хватит сиднем сидеть. И, словно услышав мои мысли, раздался телефонный звонок.

– Гордеев, – машинально ответил я, хотя звонок был местный, не городской.

– Тебя там случайно бандиты не убили? – раздался в трубке вкрадчивый голос Розанова. – Или ты от жары приклеился к кожаному креслу?..

Как я мог забыть?! Я же должен был быть у Розанова уже час, нет, даже два часа назад.

– Извини, – ответил я. – Тут возникло одно неотложное дело. Ко мне посетитель пришел.

– Ну тогда ладно. Но ты все же зайди, если не очень торопишься.

– О'кей, – ответил я и положил трубку. Потом снова поднял ее и позвонил в прокуратуру, надеясь договориться о встрече с этим самым Ковалевым. Но линия была занята. Ну что ж, пойду к Розанову.

Розанов мне, правда, ничего особенно важного не сказал. Поинтересовался, что за посетитель ко мне приходил. Подмигнул, узнав, что посетитель относится к прекрасной половине человечества. Пожелал удачи в ведении дела. Я недоумевал:

– А зачем я был нужен-то?

– А-а! – махнул рукой Розанов. – Еще тебе дело хотел предложить. Но, смотрю, у тебя и без него проблем хватит. Так что иди. Считай, что тебе повезло. Кто там у нас еще в отпуск не ушел... Евсеенко? Вот пусть и займется. – Последние фразы уже были предназначены скорее не мне, а самому себе, поэтому я почел за лучшее раскланяться. В фигуральном, конечно, смысле.

Услышав слова об отпуске, я на мгновение почувствовал запах моря – даже и неважно, какого именно, Черного, Средиземного, Мертвого, Красного или даже Белого, – и чуть ли не услышал крики чаек и шум людских голосов на пляже, но только вздохнул и решил утешиться мыслью, что по крайней мере мое новое средство передвижения не позволяет на себя жаловаться.

Сегодня у меня неприятный день, так что пусть вас не удивляет, что я до известной степени был свободен в своих передвижениях или бездействием на первый взгляд просиживания на одном месте.

Я опять набрал номер Дорогомиловской прокуратуры. К счастью, Ковалев Александр Васильевич оказался на рабочем месте. Мы договорились о встрече, я сел в машину, не забыв включить вентиляцию, и поехал на Бережковскую набережную, дом 14, встречаться со следователем.

8

Мало-помалу в камере Аслана стали принимать за своего. Услужливый Баклан шепотом доложил, что на самом деле злосчастный ларек не очень-то и сгорел, а только успел обгореть. Пожарники его слишком быстро потушили. «Сгорел» хозяин ларька, когда следствие не обнаружило следов пропавшего товара. Ни жестяных коробок, ни стеклянных флакончиков! А там было французской косметики на такие фантастические бабки! И не сосчитаешь! Хозяин ларька частично получил страховку за ларек, за само строение. А товар не был застрахован. Так что... Тот лох, который отдал ему товар на реализацию... Словом, хозяину ларька самое милое дело теперь отсидеться. Хоть бы и в Бутырке.

Так же и с шапками. Тот мужик ведь не только шапку «подобрал». Но еще и сумку с кошельком и сотовым телефоном, перчатки с рук, сапоги с ног «подобрал»... Зимой. Бедная девушка босиком по снегу за милицией бежала. А этот, когда вещи у нее «подбирал», впопыхах сломал несчастной несколько ребер.

– Здоровый пердак, – ябедничал Баклан, – а на девчонку кулаки поднял.

– Да, я понимаю. – Аслан сторонился его, не желая даже слушать о чужих секретах, ввязываться во все эти уголовные разборки.

Ему было совершенно достаточно и того, что земляки чеченцы, промышленявшие в Москве «незаконным бизнесом», а проще говоря – воровством и рэкетом, помимо воли своими разговорами впутывали его в собственные темные и скользкие дела.

Но от их заступничества, от помощи и подкормки Аслан не отказывался. Во-первых, потому что не хотел открытой конфронтации, а во-вторых, потому что просто не выжил бы без этой подмоги. Но дистанцию держал – вы «воры», а я «мужик».

Другие заключенные тоже пробовали наладить отношения с Асланом, видимо надеясь таким образом приблизиться к обособленной чеченской группировке. Но он не пошел на контакт. Болтливый и смешной Баклан все время лез к нему со своими «секретными» сведениями и откровенными сплетнями. И тоже безрезультатно.

Ближе всего Аслан сошелся со стариком. «Сын полка», может быть и заслуженно, считал себя народным, почтенным мудрецом, поучал всех и каждого прописными, банальными истинами. Чеченцы из уважения к его возрасту и званию покорно кивали, слушая старика. Все остальные сокамерники молча терпели его байки.

А он попал сюда за благородный поступок.

Кто-то из полевых командиров, рассказывая иностранцам перед телекамерами об удивительной судьбе старого ветерана, щедро приписал ему сорок лет антисоветского подполья. Журналисты фотографировали легендарного старика у него дома. И опубликовали в журналах. На весь мир ославили!

Дело в том, что за месяц до этого старик спас от расстрела троих русских солдатиков. Пожалел голодных, измученных мальчишек. Они попали в плен, потому что двое из них были ранены, истекали кровью. А третий, тощенький и слабенький, отстреливался до последнего, но так и не смог защитить товарищей. Чтобы не возиться с ними, не лечить, полевой командир распорядился сопляков пристрелить и закопать. Старик выпросил их себе якобы для ухода за коровами. Старуха и дочка с невесткой жалостливо ухаживали за ранеными, немного откормили их. Ну, естественно, эти ребята, поднявшись на ноги, помогали как могли в хозяйстве. А как иначе, если ты живешь в этом доме? Пронырливые иностранные корреспонденты нагло, без приглашения ворвались в дом – как раз тогда, когда солдатики чистили хлев. Обычная крестьянская работа. Женщины обед готовили. Старик косу точил. Пацаны хлев чистили.

Во всех репортажах старика обзывали рабовладельцем. Помещали фотографии с подписями типа: «Бывший фронтовик заботится о своих белых рабах!»

Еще и прислали ему домой несколько таких лощеных журналов!

Собрал он своих солдатиков и, на собственный страх и риск, повез их в Россию, по домам. Хотел матерям вернуть. Но их арестовали в Ростове-на-Дону. Ребята стояли за него горой, написали собственноручные признания и показания, как и что было на самом деле. Это не помогло. Их, как дезертиров, отправили обратно – в свои воинские части. Для расследования происшествия. А старика, конечно, не стали судить на месте. Не было даже повода для задержания. Но почему-то переправили в Москву. На допрос.

– Наверное, хотят мне какое-нибудь преступление приписать, – вздыхал старик, лежа на нарах. – Это у них запросто. Тут посидишь, такого наслушаешься...

– Учитель, – сказал ему Аслан, – вы герой настоящий. Вы от Гитлера спасли не только Россию, но и весь мир. Пусть теперь и пишут. Это уже неважно. Вы уже совершили свой подвиг.

– Надоело мне все это, – закашлялся смущенный старик. – Все вы мне льстивые слова говорите. Ты бы лучше про себя рассказал.

– Да мне и похвастать-то нечем.

– Пока тебя на допросы не таскают, время есть. Расскажи, сынок, – попросил старик. – И сам жизнь свою обдумаешь, и нам полезно послушать.

– Не томи, – подталкивал его и седой, – рассказывай. Со всеми подробностями.

– Родился в Грозном, – начал вспоминать Аслан, – в самом прекрасном месте! В самом сердце города!

Он огляделся и увидел, что практически вся камера приготовилась слушать.

– Давай рассказывай. Все именно так и было! – подбадривал Баклан.

– У тебя кто родители? – Здоровенный амбал протиснулся в первые ряды слушателей.

– Папа, – задумался Аслан, – был ученым. Он физиолог. Много книжек написал про то, как устроен человеческий организм.

– Открыл чего-нибудь? – поинтересовался Баклан. – Разрабатывал лекарства?

– Нет.

– Зря ты так! – обиделся за папу Баклан. – Обязательно нужно сказать, что папа что-то важное изобрел! Академии наук все равно, а нам было бы очень приятно!

– Замолчи, – шикнул на него седой. – Он правду говорит, а тебе только всякие враки слушать!

– Они познакомились с мамой в университете. Вместе учились. Ну и...

– Понятное дело! Молодежь! Наверное, в общежитии жили? – комментировал неугомонный Баклан. – Там без этого невозможно! Обязательно нужно кого-нибудь поиметь.

– Заткнись! – рявкнул на него амбал. – А то я тебя сейчас... поимею!

– У нас тоже без этого никак нельзя, – хохотнул наверху писклявый голосок.

Аслан помолчал немного и продолжил рассказ:

– Поженились, свадьбу сыграли. Меня родили. Работали. Я вырос. И пошел в школу.

– Ну! – не унимался Баклан. – Ты давай с подробностями. Чтобы интересно было.

Амбал замахнулся было на Баклана, но сдержал удар:

– Прав Баклашка! Как ясный пень! Ты давай поподробнее. Чтоб не скучно было.

– Это же долго, – замялся Аслан. – Да и неинтересно. Все обычно. Как у всех.

– Ты давай рассказывай, – подначивал Баклан, – а уж мы сами решим, что у тебя получилось здорово, а что надо заново рассказать. Правда, братаны?

– Не тяни резину! – кричали с разных нар. – Начинай! Крути кино!

– Помню, как в самом раннем детстве мы с родителями ездили на Каспийское море. Стояла тогда пыльная и ветреная погода. По волнам бегали барашки. А в песке прямо под ногами попадались такие красивые круглые раковинки. Ребристые. Солью пахли. А у мамы платье крепдешиновое. Развевалось на ветру.

– А под платьем! – захихикал писклявый голосок. – Папаня небось задрал мамане платьишко да и... Ты уж все рассказывай.

Никто не оборвал охальника. Аслан помолчал немного и спокойно продолжил:

– Отец у меня был здоровым и крепким. Так что маму мою... он не обижал. Не волнуйся за нее! Уверен, что мало ей никогда не было. Я вам свою жизнь рассказываю. А дрожить ты будешь на фотографию из газеты «Спид-инфо», понял?

– Еще что-нибудь вякнешь, – обернулся к писклявому амбал, – я тебя сам надрочу. От лысины до жопы. Сечешь, падла?

– Молчу, молчу. Больше ни за что! Гад буду.

– Пусть все помолчат! – крикнул кто-то сверху. – Давайте так. Час парень рассказывает, мы молчим. Потом задавайте вопросы, комментируйте как хотите.

– А он успеет за час?

– Завтра продолжит. Или ты завтра откидываешься?

– Тоже мне сказал! – засмеялся от дурного предположения Баклан.

И снова все обернулись к Аслану: мол, мы за тебя все решили, так что давай исполняй!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.